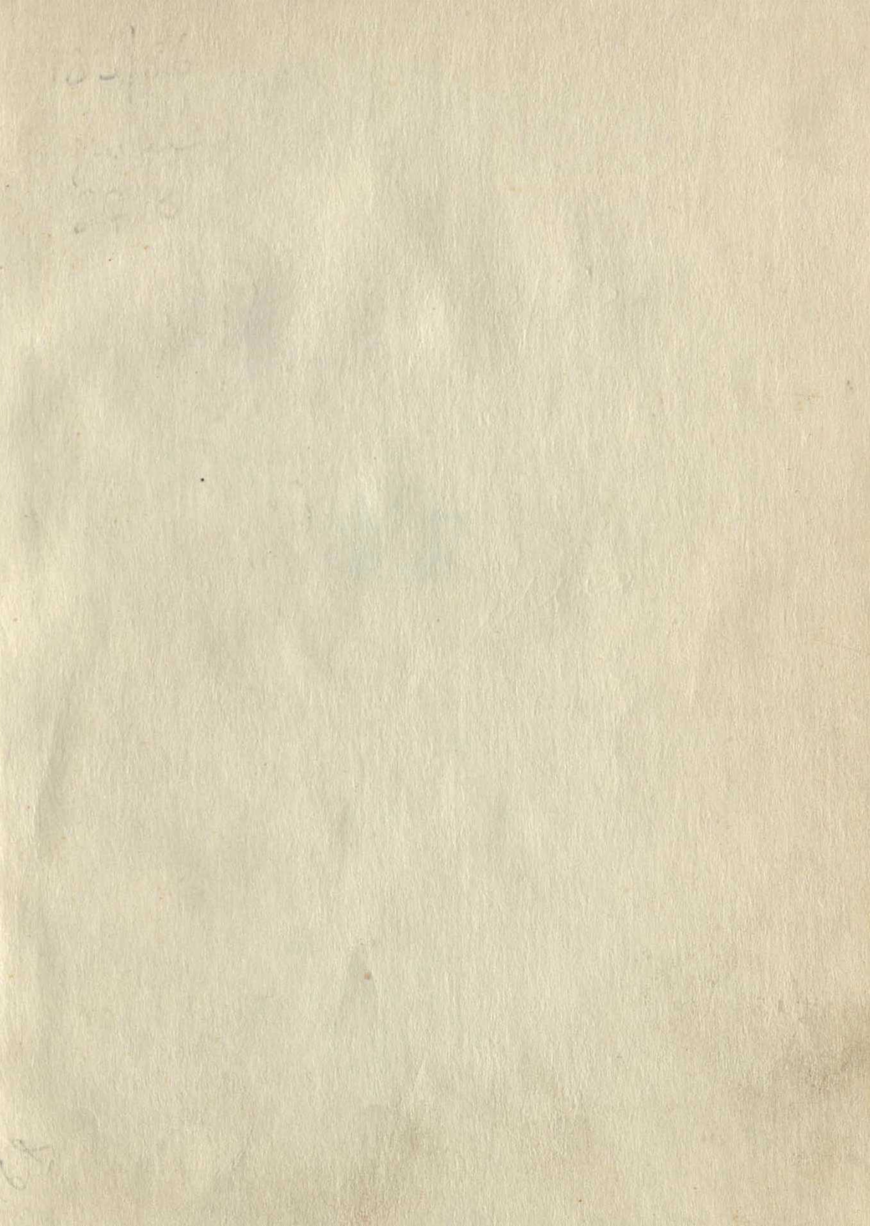
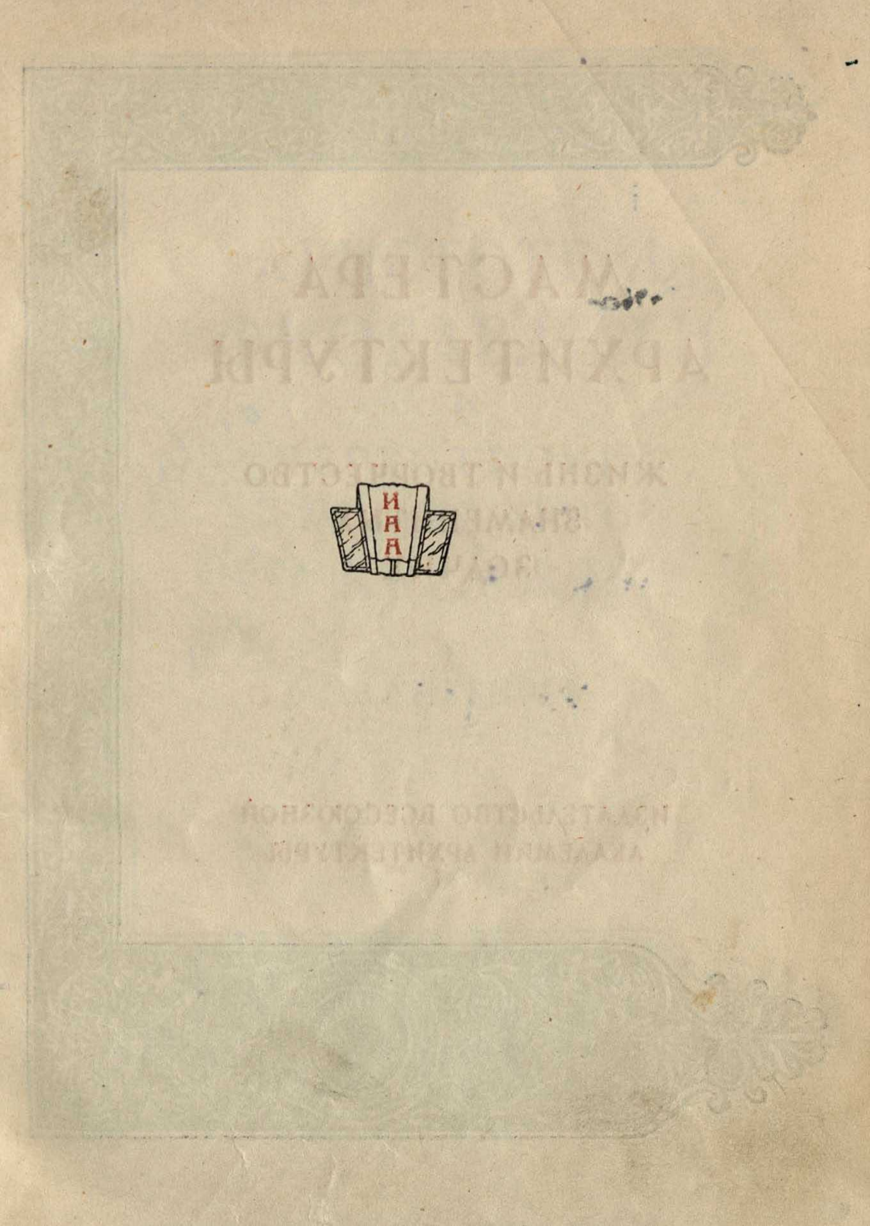
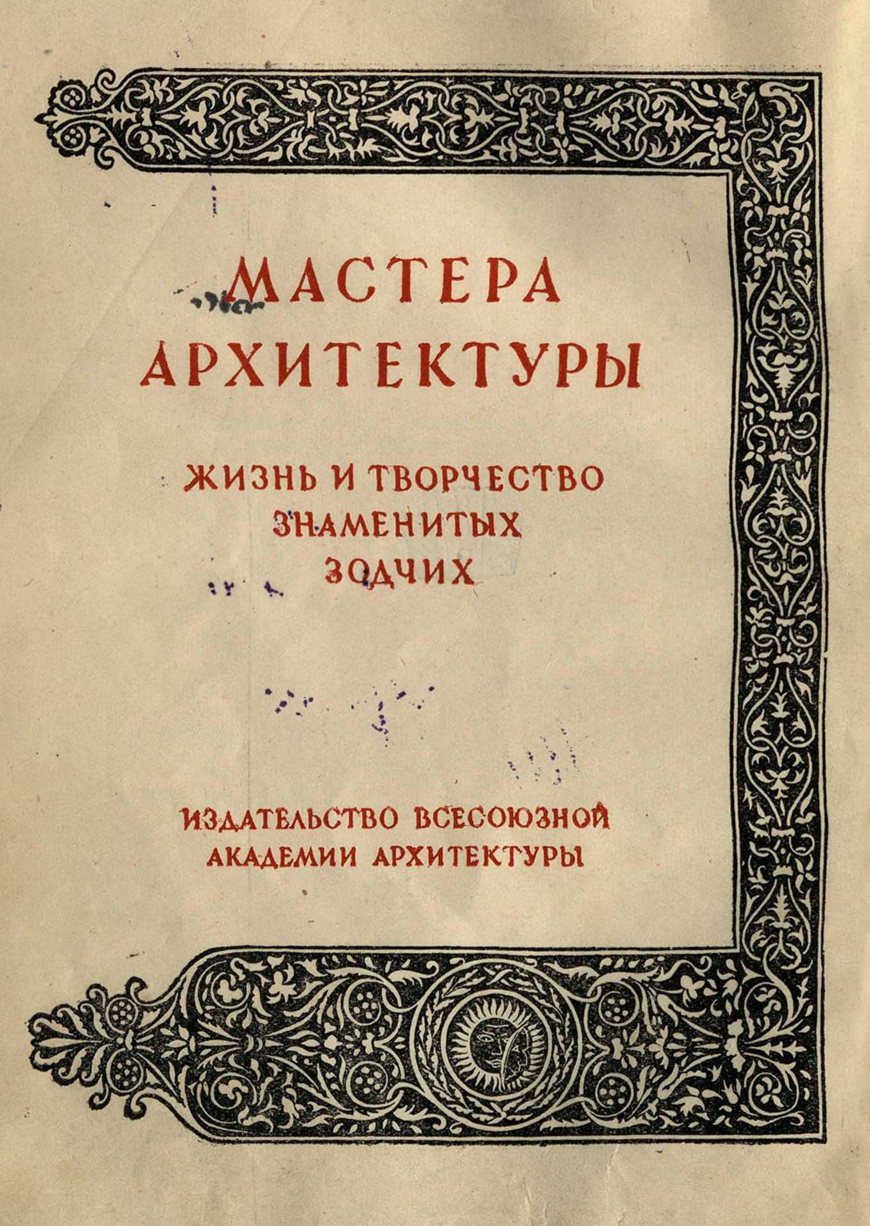
В. СНЕГИРЕВ

АРИСТОТЕЛЬ ФИОРАВАНТИ

MCMXXXV

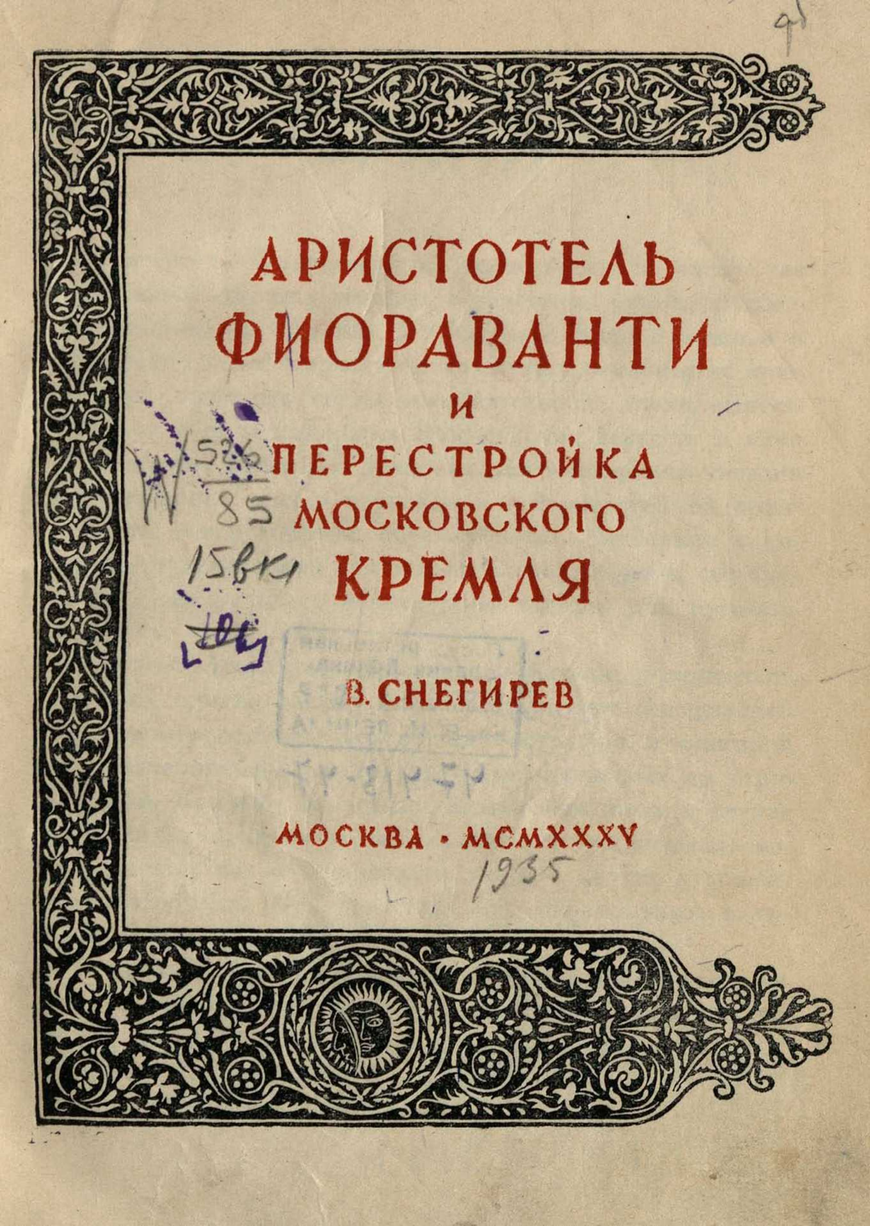

ИАА

МАСТЕРА АРХИТЕКТУРЫ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЗНАМЕНИТЫХ ЗОДЧИХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ

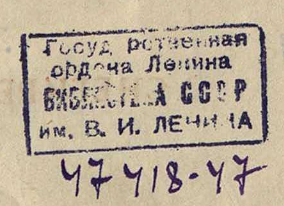

АРИСТОТЕЛЬ ФИОРАВАНТИ И ПЕРЕСТРОЙКА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В. СНЕГИРЕВ

МОСКВА • MCMXXXV

Орнаментация книги художника Георга Фишер

ОТ АВТОРА

Аристотель Фиораванти не принадлежит к числу тех лиц, жизнеописания которых в известном смысле являются историей их времени. Но он своей личной жизнью и художественным творчеством во многих отношениях ярко отразил основные черты знаменательной эпохи, известной под общим названием Возрождения искусств и наук (Ренессанс). Наряду с этим его имя неразрывно связано с совершенно новым периодом в истории русской архитектуры — переворотом, обусловленным глубокими социально-политическими причинами. С этой стороны его биография представляет несомненный интерес для русского читателя.

Хотя об Аристотеле Фиораванти писали сравнительно не мало, однако до сих пор не существует освещающей все важные периоды его жизни биографии и описания всех выполненных или только проектированных им строительств. Конечно, это станет возможным лишь в случае открытия в архивах (главным образом итальянских) новых данных как о Фиораванти, так и о других художниках кватроченто (XV столетие), его современниках и сотрудниках.

К наиболее обстоятельным биографиям Фиораванти на родном его языке относятся в хронологическом их порядке: *M. A. Gualandi,* Aristotele Fioravanti meccanico ed ingegnere del secolo XV, Bologna, 1870; *C. Malagola,* Della cose operata in Mosca da Aristotele Fioravanti, Mo-

dena, 1877; *C. Ganetta*, Aristotele da Bologna, Milano, 1882; *L. Beltrami*, Aristotele da Bologna, 1458—1464, Milano, 1888.

К работам о Фиораванти небиографического характера, вышедшим за последнее время на итальянском же языке, относится работа Брунова — «Due cattedrali del Kremlino costruite da italiani», журн. «Archittetura e arti decorative», VI, 1926.

На русском языке, не считая летописных сообщений о Фиораванти, имеются биографические статьи *А. Уварова* в «Древностях», т. IV, вып. 2; *Н. Собко* в «Русском биографическом словаре» (том «Фибер — Цявловский»); *К. Хрептовича-Бутенева* в сборнике «Старая Москва», вып. 2, М., 1914 и работа *А. И. Некрасова*, Возникновение московского искусства, М., 1929.

Сверх этого, как на русском, так и на иностранных языках в справочных лексиконах, сводных изданиях и специальных сочинениях, посвященных вопросам искусства и общей истории XV столетия, попутно разбросаны многочисленные, иногда не совсем точные, заметки и упоминания о знаменитом архитекторе. Авторы некоторых из них, представляющих интерес в том или ином отношении, указаны дальше, частью в тексте, частью в примечаниях к нему.

В. С.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

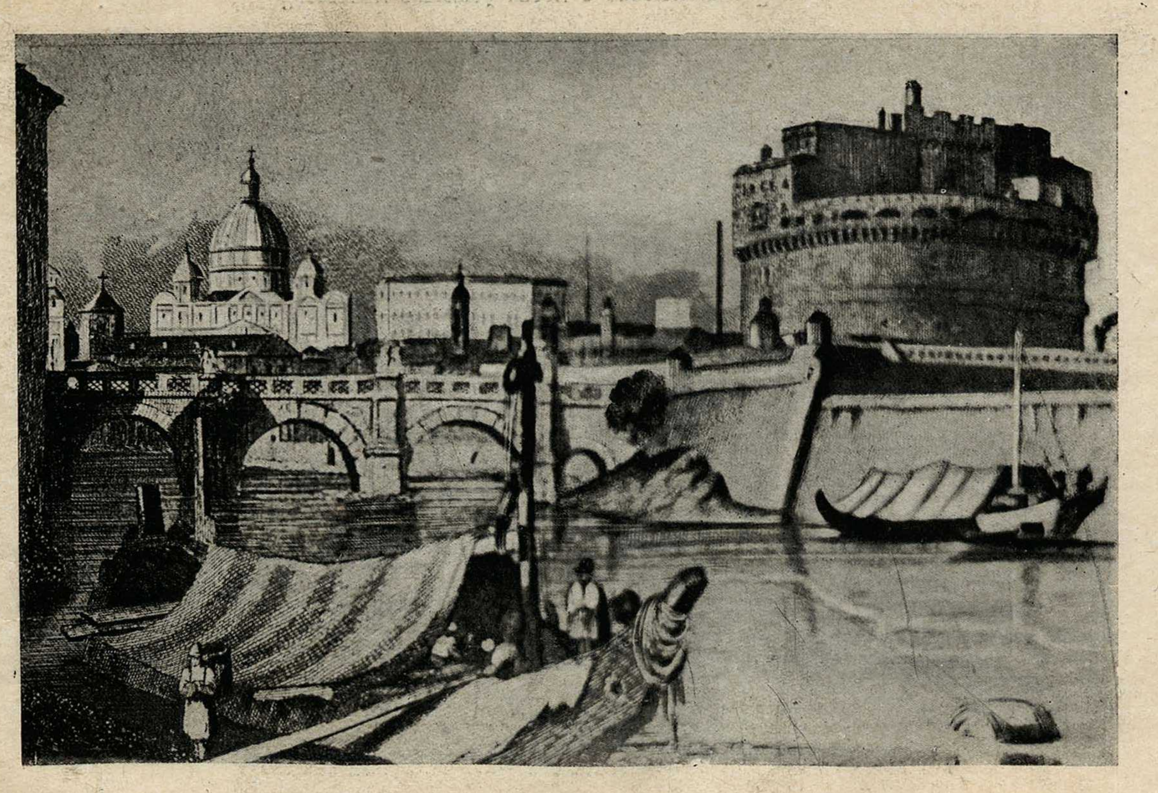
Вальтер Патэр в предисловии к своему «Ренессансу» замечает: «Счастливый период был XV век в Италии, и то, что иногда говорится о веке Перикла, приложимо и к веку Лоренцо». Это мнение исследователя эпохи Возрождения не слишком противоречит исторической действительности, понятно, с известными оговорками. В самом деле, между областями Апеннинского полуострова и странами заальпийского мира тогда определилась существенная разница (*Тэн*, Лекции об искусстве). Несмотря на начавшееся еще со второй половины средних веков прогрессивное движение в области культуры, Западная Европа по основам хозяйства, по характеру схоластической науки, по укладу социально-бытовых отношений все еще пребывала в средневековьи. К тому же например Франция переживала в те дни наиболее печальный период своей истории.

В результате столетней войны с англичанами (1337—1453) страна была настолько разорена и опустошена, что при Карле VII волки ходили по улицам Парижа, поля стояли необработанными, а крестьян после изгнания внешних врагов продолжали грабить свои внутренние враги, в том числе так называемые живодеры (начальники разбойничьих шаек). Французские дворяне — «цвет нации» — оставались дикими и невежественными до конца этого века; им казалось, что человека можно оскорбить, назвав его ученым. В Германии, родине книгопечатания, долго раздираемой гуситскими войнами (первая половина XV столетия), дело обстояло, может быть, немногим лучше; в общественных отношениях там всевластно царило «кулачное право». Англия, занятая свирепой междоусобицей феодалов (война Алой и Белой розы), в общем была страной неграмотных фермеров, грубых солдат. Культурный уровень ее населения был между прочим настолько невысок, что дома даже состоятельных помещиков зачастую представляли собой подобие изб с соломенными крышами и решетчатыми ставнями в окнах вместо стекол.

Повсюду в Европе еще держался феодальный строй с его натуральным хозяйством, открытым насилием и грубыми нравами, с его рыцарскими замками, владельцы которых жестоко давили крепостное крестьянство и вели упорную борьбу с королями-централизаторами и горожанами — недавно народившейся буржуазией.

Совсем иную картину представляла в XV столетии Италия, временно пользовавшаяся относительным внешним миром и внутренним спокойствием. По развитию и характеру общественно-политической и хозяйственной жизни,

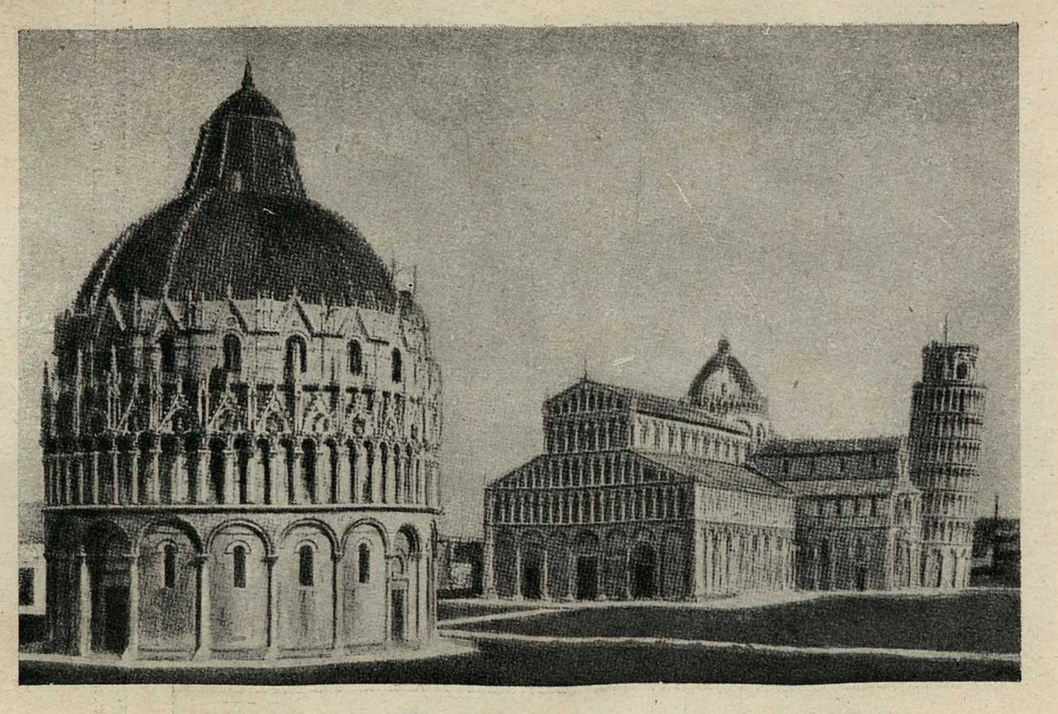
Развалины античной виллы в окрестностях Рима

Башня св. Ангела (мавзолей императора Адриана) в Риме

Флорентийский собор с куполом в стиле Ренессанса, возведенным Брунеллеско на готической постройке. Переход от готики к Возрождению

Итальянские постройки XI — XII столетий с готическими элементами

по многочисленным богатым городам, состоянию наук и искусств, по умственным интересам и культурным привычкам своих обитателей Италия — уже не средневековая, а страна нового времени, в которой к власти подошла буржуазия, в которой горизонт образованного общества расширился и создалось почти современное мировоззрение.

Основной причиной такого положения явился новый способ производства, разрушивший натуральное хозяйство феодального периода и создавший денежное хозяйство (торговый капитал), впоследствии распространившийся по всей Европе. Обстоятельство, что этот процесс прежде всего начался и оформился именно на Апеннинском полуострове, в свою очередь объясняется характером и масштабом торговли средневековой Италии, ее издревле существовавшими городами и связанной с этим городской культурой.

С момента падения Римской империи (476 г. н. э.) и до середины VII столетия торговля Европы со странами Востока находилась главным образом в руках Византии, столица которой Константинополь служил, по образному выражению Энгельса, «золотым мостом», связывавшим два материка. Стихийные завоевания арабов (VII—VIII вв.) и образование ими колоссальной мусульманской империи (халифата), восточные пределы которой граничили с Гималаями, а западные омывались Атлантическим океаном, нарушили прежнюю свободу традиционного товарообмена. Владея Гибралтарским проливом, Суэцким перешейком и течением рек Тигра и Евфрата, арабы фактически завладели всеми «торговыми воротами» средиземноморского мира, благодаря чему товары азиатских стран, столь ценимые на Западе (шелк, пряности, лекарства, вина,

фрукты, стеклянные изделия, оружие, арабские лошади), не могли теперь попадать в Европу без того, чтобы не пройти предварительно через арабские таможни. С XI столетия, с того часа, когда Азия выбросила из своих недр полчища новых завоевателей, турок-сельджуков, такое положение только ухудшилось. Сельджуки, эти полудикие кочевники, полная противоположность арабам, обогатившим общечеловеческую культуру великими вкладами в области искусств и наук, быстро захватили весь Иран (Персию), Месопотамию, Сирию и Египет и отняли у дряхлеющей Византии Малую Азию. Отныне существованию самого Константинополя, этого бдительного стража проливов (Дарданеллы и Босфор), единственной, хотя и окольной, но еще свободной от мусульманского контроля дороги на Восток, грозила неизбежная гибель.

На этот новый натиск со стороны Азии Запад ответил целым рядом так называемых крестовых походов. Это грандиозное движение, облеченное соответственно условиям и духу времени в религиозную мантию, объективно, с точки зрения реальных целей, было не чем иным, как героическим усилием Европы вырваться из тех экономических и территориальных тисков, в которые она была загнана победами народов ислама. Задача эта не была разрешена manu militari (с оружием в руках), и после двухвековой борьбы (1096—1291), после полного крушения эфемерных королевств, созданных крестоносцами в Сирии и Палестине, Европа увидела себя в том же положении, что и к началу VIII столетия.

Но если Европа в целом несомненно пострадала от непрекращавшихся побед последователей Магомета, то Апеннинский полуостров, взятый в отдельности, скорее только

выиграл. По мере того как прежнее торговое значение Византийской империи сходило на-нет, Италия, пользуясь своим наредкость выгодным географическим положением и знанием мореходного дела, выступила в лице своих приморских городов (Амальфи, Венеция, Генуя) в качестве торговой посредницы между Западом и Востоком. Заняв столь выгодную деловую позицию, Италия быстро сделалась центральным пунктом мировой торговли тех времен. Одни итальянские купцы устроили свои торговые конторы в портах Леванта [1], другие основали свои колонии на побережьях Черного моря, приобретали задешево восточные товары, перепродавали их в Европе втридорога. Особенно быстрыми шагами пошло экономическое процветание Италии со времени крестовых походов, в которых ее торговые города принимали не столько военное, сколько коммерческое участие [2].

Такое тесное многовековое общение Италии с Востоком обогатило ее не только в узко денежном смысле. Не следует забывать, что в ту эпоху Восток вообще неизмеримо превосходил Запад в технических знаниях и искусствах. В странах Леванта например не только сохранились тогда древние отрасли промышленности, но наряду с ними возникли и новые, вроде производства и обработки шелка. Сверх того обширные завоевания арабов привели культурные страны Востока, Индию и Китай в более тесную связь со странами Средиземного моря, чем это было прежде. А ведь итальянцы — торговые посредни-

[1] *Левант* — прибрежные страны восточного, отчасти южного (Египет) побережья Средиземного моря.

[2] Итальянские банкиры и купцы кредитовали крестоносцев деньгами, Венеция предоставляла за плату свои галерные флоты для перевозки войск в Сирию и Палестину.

ки — являлись не просто торгашами, ничего не видевшими дальше длины своего аршина; сплошь и рядом они были в то же время и путешественниками, в поисках новых рынков смело перешагнувшими пределы Европы, проникавшими в самые отдаленные, известные европейцам лишь по-наслышке таинственные страны, людьми, в значительной мере начавшими эру географических открытий, основоположниками научного востоковедения [1].

В своих путешествиях по Востоку итальянцы-купцы знакомились с условиями далеких рынков сбыта и вывоза, внимательно присматривались, перенимали способы производства ввозимых ими товаров и вскоре нашли более выгодным ввозить сырье и обрабатывать его руками наемных рабочих. Так, еще с XII столетия во многих областях Апеннинского полуострова стали возникать зачатки мануфактуры, а затем и основы капиталистического способа производства [2]. В связи с этим в Италии рождается и быстро крепнет тип денежного капиталиста, «рыцаря торговли», вытеснившего цехового мастера и сумевшего покончить с рыцарем-феодалом. На Апеннинском полуострове в недрах городов возникла новая общественная сила, и руководящая роль в стране из замков сеньоров начала переходить в город, во дворцы торговых магнатов.

[1] Еще во второй половине XIII столетия венецианский купец Марко Поло (1254—1323) предпринял замечательное путешествие в глубины Азии, долго жил в Китае, на обратном пути побывал на Зондских островах; его красочное повествование о двадцатипятилетних странствованиях является ярким описанием виденных им стран.

[2] Шелковые ткацкие мастерские, в которых работали военнопленные с Востока, возникли в Палермо (на острове Сицилия) еще в XII в.; в XIII в. они появляются на севере Италии. Там же с конца XII в., кроме хлопчатобумажного производства, существовало оружейное (Милан), стекольное (Венеция) и сукноделие (Флоренция).

Города Италии, не малое число которых было основано еще во времена античного Рима, по характеру своей, так сказать, внутренней структуры значительно отличались от городов остальной Европы. Там, за Альпами, города долгое время являлись большими крепостями, Италия же в течение всей феодальной эпохи в существе своем оставалась страною городской культуры. Нигде в Европе, ни во Франции, ни в Германии, ни тем более в Англии, не сохранилось тогда такого количества старинных городов, в стенах которых так прочно держались бы общественные традиции древнего Рима — традиции, питавшие широкие культурно-экономические возможности. При отсутствии в те времена на Апеннинском полуострове центральной политической силы, итальянские города-одиночки, издавна начавшие накоплять огромные богатства, не только отстояли свою свободу от феодальных баронов, но фактически уничтожили — частью оружием, частью при помощи денег — рыцарские замки, заставили срыть эти средневековые крепости, закупоривавшие торговые пути внутри страны и на ее побережьях. Опираясь на свою экономическую мощь, эти города ликвидировали и крепостное право, мешавшее притоку из деревни в город наемной рабочей силы. Приток же рабочих способствовал росту, если не экономически, то в известной мере политически, свободной массы населения, так как по общесредневековому закону всякий человек, проживший в городе год с одним днем, тем самым становился «свободным» гражданином.

В политическом отношении большинство крупных городов Италии (главным образом северной и средней), во главе которых стояло богатое купечество, рано преврати-

лись в самостоятельные города-государства с республиканским устройством. С XII века в этих республиках начинает постепенно устанавливаться власть так называемых тиранов [1].

Это явилось неизбежным результатом постоянной борьбы городских партий, попеременно захватывавших власть над городом, изгонявших из него своих противников, конфисковавших их имущество, что, разумеется, сильно подрывало торговлю, создавало общую неурядицу. Торговому городу-государству стал настоятельно необходим единоличный вождь для успешной конкуренции с другими городами и для внутреннего порядка. Таким вождем и явился тиран, сперва правитель пожизненный, впоследствии — наследственный, благодаря чему во многих городах Италии уже к началу XIV столетия установилась, если не по имени, то на деле, монархия.

Новая форма правления, отнюдь не являвшаяся регрессом по сравнению с прежней республиканской, в XV столетии распространилась на значительную часть Апеннинского полуострова [2], конкретно выражая собой происшедший тогда в Италии хозяйственный переворот. В самой непосредственной связи с этим переворотом, постепенно разложившим все основы феодального периода, стоит культурный переворот, известный в истории под общим названием Возрождения античных искусств и наук. С но-

[1] Это название заимствовано из древней Греции, где оно означало правителя-самодержца.

[2] Италия состояла из Неаполитанского королевства, церковной или папской области (так как папы были и светскими монархами), нескольких крупных и ряда мелких тираний. Венеция и Генуя сохранили свое аристократическо-республиканское правление, возглавляемое дожами (от латинского слова dux — вождь).

вым порядком вещей, продиктованным торговым капиталом (революционная экономическая сила XIV—XVI столетий), родилась новая жизнь в обществе, пробудилось новое мировоззрение, являвшееся противоположностью феодальному. Это новое мировоззрение, стремившееся стряхнуть с себя как в умственном, так и в материальном отношении иго феодализма, неизбежно должно было в Италии базироваться на возрождении греко-римской древности. Торговые сношения с Грецией познакомили итальянцев с эллинской (античной) культурой, и умственные руководители Италии еще в XIV столетии нашли в литературе древней торговой республики (города Афин) мировоззрение, во многих отношениях совпадавшее с их собственным. Кроме того наследие древнего мира, при помощи которого можно было оформить представление о мире современном и окончательно уничтожить следы недавнего прошлого, имелось и на самом Апеннинском полуострове; оно лежало под слоем развалин, надо было только, в буквальном и переносном смысле, раскапывать эти руины, чтобы продуктивно воспользоваться остатками угасшей цивилизации.

Хозяйственный переворот на Апеннинском полуострове, окончательно определив собой разделение труда физического и умственного, способствовал развитию в Италии класса людей свободных интеллигентных профессий. Представители этого класса (продукт городской культуры) имели возможность в условиях нового общественного быта отдавать свое время и силы науке, литературе, искусству. Их возглавляли гуманисты [1], корпорация свет-

[1] Слова *гуманизм*, *гуманист* происходят от латинского термина humana studia (чисто человеческое образование) как противополже-

ских ученых и литераторов, пользовавшихся широкой поддержкой итальянских правителей-тиранов, пап и богатой буржуазии.

Гуманисты были идеологами нового порядка вещей, они обосновывали его теоретически, изучая и восстанавливая для этого всевозможные остатки классической древности. В связи с этим в Риме приступили к раскопкам античных руин, измерили остатки древних сооружений; читая классические сочинения о строительстве [1], сравнивали их показания с уцелевшими произведениями прежнего зодчества. Появились описания Вечного города, стремившиеся восстановить его топографию и внешний вид во времена республики и империи [2]. Из недр земли извлекли полуразбитые статуи богов и героев, бюсты императоров, медали, монеты и предметы римской домашней обстановки. Из них составили большие коллекции не только ради эстетического любования, ибо гуманизм в Италии отвечал реальным практическим интересам текущего момента. Соответственно этому итальянцы, пользуясь трудами древних авторов, изучают также и математику, астрономию (пособие для мореплавания), гидравлику, инженерное дело, с тем чтобы поставить на службу искусству и технике теорию и научную абстракцию.

ние средневековому divina studia (образование богословское, религиозно-схоластическое). Первым гуманистом считают поэта Петрарку (1304—1374).

[1] Например сочинение Фронтинуса (I в. до н. э.) об акведуках (водопроводах).

[2] Наиболее интересным из них является «Ruinarum urbis Romae descriptio» («Описание развалин города Рима») гуманиста Подджио Браччолини (1380—1459), изучавшего римские руины в связи с изучением классических авторов и надписей на античных монетах, медалях и памятниках.

Улица старой Болоньи

Улица старой Болоньи

Образованность в Италии становилась, таким образом, энциклопедичной; в ученых и художниках развивались различные способности. Это особенно касается зодчих, причем в известной мере причиною того явилась и средневековая, долго державшаяся традиция, согласно которой архитектор был одновременно и скульптором и живописцем, которому поручалось украшать здание. Когда же в XV столетии итальянский зодчий оказался лицом к лицу с новыми требованиями гражданской и военной техники (стимулировавшими его техническое искусство, теоретические и практические интересы), круг изучаемых им дисциплин чрезвычайно расширился. Для того чтобы не остаться в рядах безвестных дюжинных строителей, архитектор должен был уметь строить не только церкви, общественные здания, дворцы, но и мосты, крепости, городские стены, каналы, плотины, военные машины. Исходя из этого, он вынужден был, обращаясь в археолога, изучать также и древнеримские постройки, дабы на практике применять только что раскрытые учеными принципы и методы античной инженерии и архитектуры. В данном случае его учителями являлись не только древние развалины, но и древние авторы, прежде всего Витрувий [1]. А для того чтобы надлежащим образом понять и усвоить этих руководителей, хорошему зодчему приходилось, будучи математиком, быть и филологом и непременно изучать латинский язык. Все это вместе взятое приводило такого зодчего к самому непосредственному общению с гуманистами.

[1] Витрувий Поллион — знаменитый римский архитектор (I в. до н. э.), современник Юлия Цезаря, которого он сопровождал в походах; автор трактата «De architecturae» в десяти книгах, из которых сохранилось семь.

Гуманисты, идеологи организующейся буржуазии, играли огромную роль при дворах тогдашних правителей, с которыми они, несмотря на свои по началу республиканские тенденции, быстро примирились [1]. Иначе конечно и быть не могло. Начатки капиталистического строя содействовали развитию самодержавной монархии, а большинство гуманистов держалось того мнения, что развивающееся государство нуждается в личном вожде для внешней безопасности и внутреннего порядка, для успешного обуздания дворян, перебравшихся в города с затаенной мыслью захватить там власть [2]. К этому следует прибавить, что с течением времени первоначальный тип тирана-солдата определенно эволюционировал. Если сперва тираны выходили почти исключительно из рядов кондотьеров [3], то впоследствии папы стали сажать в свободные города своих сыновей и родственников, а в XV столетии, в эпоху наибольшего процветания старой Италии, появились уже тираны из представителей коммерческих магнатов, среди которых самыми знаменитыми были Медичи во Флоренции.

Итальянский правитель нового типа существенно отличался от своего предшественника, герцога-феодала, промышлявшего главным образом войной, набегами, незамаскированным грабежом своих и чужих подданных. Прави-

[1] То же самое имело место и в отношении пап, так как господствующие классы Италии, опасавшиеся всякого народного движения, были заинтересованы в сохранении престижа самодержавной папской власти.

[2] Об этом между прочим наглядно свидетельствовал внешний вид дворянских городских домов, настоящих небольших крепостей, из которых удобно нападать на ополчение горожан и выдерживать долгую осаду.

[3] *Кондотьер* — предводитель наемных войск.

тель вроде Медичи — совсем иного склада: преимущественно крупный купец, стремящийся к миру, политик, искусно избегающий войны, а если война неизбежна, трактующий ее как торговую операцию, которую надо выгодно провести при помощи наемных войск. Правитель-купец учреждает банки, устраивает фабрики и большие мастерские, ведет торговлю оптом. Это осторожный, расчетливый делец, пускающий получаемые доходы частью дальше в коммерческий оборот, частью на цели, способствующие укреплению его положения и престижа владетельной особы. Он окружает себя блестящим двором, покровительствует ученым и художникам, порой становится сам не только меценатом, но и ученым или поэтом (как Сфорца в Милане или Лоренцо Великолепный во Флоренции); он собирает произведения искусства, строит для себя или для города монументальные здания, свидетельствующие о его просвещенности и могуществе.

Благодаря этому итальянское зодчество получало мощную основу, так как и богатая буржуазия шла по следам своего вождя.

Возрождение античной древности на Апеннинском полуострове в отношении искусства сказалось прежде всего в области архитектуры. Готический стиль [1] проник в Италию сравнительно поздно и не пустил там глубоких корней. Это объясняется прежде всего тем, что Италия не была так германизирована, т. е. видоизменена нашествием германских народов, как другие страны Западной Европы.

[1] Этот стиль правильнее было бы называть стрельчатым или (по месту его возникновения) французским. Готическим (от имени средневекового германского народа готов) его прозвали итальянцы, тем самым презрительно подчеркивая его варварское происхождение.

Если северные варвары и селились в Италии, то лишь на короткое время; скоро они уходили или изгонялись, оставляя за собою разрушения, а не сколько-нибудь прочное влияние [1].

Но, несмотря на большие разрушения, повсюду на полуострове сохранились в полуразрушенном виде архитектурные сооружения римских времен. Особенно много уцелело их в самом Риме, хотя он и служил в течение всех средних веков огромной каменоломней [2]. Здесь, среди античных руин и достаточно неуклюжих средневековых построек, все еще вздымался величественный Колизей, стояли заброшенные термы (общественные бани) Диоклетиана и Каракаллы, поражавшие зрителя прочностью своей постройки, многочисленностью колонн, великолепием мраморной отделки; высились победные арки императоров Тита, Севера, Траяна с уцелевшими на них хвалебными надписями.

Мавзолей (надгробный памятник) императора Августа, правда, имел в те дни вид земляной насыпи, поросшей травой и кустарником, но зато мавзолей Адриана, превратившись без существенных изменений в средневековый замок св. Ангела, попрежнему отражался в мутных водах Тибра. Кроме Рима и в других старых городах Италии — Вероне, Равенне, Неаполе — существовали в развалинах античные сооружения. Поэтому на полуострове никогда не умирали строительные традиции древности. Но

[1] Лангобарды, правда, остались в Италии навсегда, передав даже северной ее части свое имя (Ломбардия), но под влиянием культурно-экономической обстановки они быстро романизировались.

[2] Древние здания разбирали для постройки новых, мрамор пережигали на известь, некоторые триумфальные арки бароны-феодалы переделали в небольшие крепости.

когда итальянцы после длительного периода анархии и упадка, явившегося результатом нашествия северян, начали снова возводить большие общественные здания, формы романской архитектуры расцвели. Тосканские сооружения XII и даже XI столетия (например церковь Сан Миниато во Флоренции и собор с баптистерием в Пизе) являются первыми примерами пробуждения античного духа по миновении временной германизации Италии.

В XV столетии, в силу совокупности всех условий того времени, в области итальянского зодчества наступает определенный отход от готики. Филиппо Брунеллеско (1377 — 1446), последний пионер архитектуры раннего итальянского Возрождения, в 1436 г. закончил возведение купола в новом стиле над выстроенным уже до барабана романо-готическим собором во Флоренции. Вслед за этим уже в настоящем стиле Возрождения он построил приют для подкидышей, церковь Сан Лоренцо, капеллу (часовню) Пацци и наконец знаменитое палаццо Питти — огромный дворец с торговыми складами. И в других областях полуострова (в Милане, Болонье, Падуе, Ферраре) на фоне своеобразных средневековых итальянских городов с этих пор начали вырастать строения, свидетельствующие о завоеваниях античности в области зодчества. Микелоццо ди Бартоломео, Джулиано да Майяно, Леон-Баттиста Альберти, Джулиано да Сангалло, Симоне Кронако, Браманте, положивший первые камни собора св. Петра в Риме [1], —

[1] Для папского Рима этого времени очень характерны дворец Венеции, воздвигнутый из камней Колизея, и огромное здание Канцелярии, постройку которого прежде приписывали Браманте, но которое повидимому было спроектировано Альберти, не столько строившим, сколько проектировавшим и писавшим по различным вопросам искусства.

вот имена наиболее знаменитых архитекторов, украшавших в XV столетии итальянские города дворцами пап и тиранов, церквами, капеллами, роскошными домами буржуазии.

Венеция, долго испытывавшая в соответствии с экономическим своеобразием ее структуры и географическим положением сильное влияние восточного (византийского и арабского) искусства, примкнула к новому направлению позднее других городов. И на юг Италии, где в Неаполитанском королевстве прочно держались традиции готики, проник дух Возрождения в середине XV в., а к концу этого века Возрождение завоевало уже всю Италию, и только земледельческая Сицилия в области собственного зодчества оставалась верна готическому стилю.

Сказанное об архитектуре Италии относится также и к другим видам ее изобразительных искусств — живописи и скульптуре.

В эпоху раннего Возрождения в Италии работали такие выдающиеся мастера кисти и резца, как Филиппо Липпи, Донателло, Антонио Полайуоло, Вероккио, Ботичелли, Гирландайо, Гиберти, Росселино и другие. Совместно с великими зодчими они создали тогда художественные школы, надолго определившие развитие и дальнейшие пути общеевропейского искусства. К этим вождям тесно примыкали медальеры, чеканщики, ювелиры, живописцы по стеклу, литейщики, виртуозы-оружейники — целая плеяда талантливых представителей прикладного искусства. Все они в совокупности своей деятельности обслуживали имущие классы — богачей, желавших и имевших возможность в век Лоренцо Великолепного жить в красивых домах, посещать, как древние греки в век Пе-

рикла, прекрасные храмы, проводить, подобно им, свои досуги в загородных виллах, окруженных художественными садами. С точки зрения этих людей, Италия в XV столетии несомненно переживала свой «счастливый период». Но она переживала его и в ином, более высоком смысле: в обстановке новых экономических условий и такого же общественно-политического уклада на Апеннинском полуострове в XV столетии возник и развился вообще тип человека нового времени, которого Пико делла Мирандола[1] назвал «собственным творцом и воспитателем». Но этот homo novo (новый человек) был больше того, чем считал его знаменитый гуманист.

Новый человек, кто бы он ни был, — ученый, купец, правитель, художник, поэт, географ или путешественник, — разрушая своей деятельностью (каждый в своей области) средневековые устои, тем самым создавал и мир нового общественного бытия, прогрессивного в своих начальных стадиях. Арена его деятельности не ограничивалась пределами Италии. В качестве купцов, солдат, путешественников, художников, техников, простых ремесленников новые люди Италии шли в другие страны и там продолжали свою творческую работу.

В Испании, Португалии, Англии мы видим итальянских моряков (Колумб, Габотто, Веспуччи), подготовлявших и осуществлявших великие географические открытия, произведших революцию в миропонимании европейцев. В других странах они выступают как ученые, дипломаты, воины, инженеры. Они попрежнему исследуют страны Во-

[1] Популярный ученый гуманист, пытавшийся примирить христианское учение с античным язычеством.

стока, всюду забрасывая, иногда безотчетно, семена новых знаний, новой техники, нового взгляда на общественные и торговые отношения. Их не останавливают ни расстояния, ни климат, ни опасности неведомых стран, и они первыми проникают в полуварварскую средневековую Россию — страну, известную на Западе только весьма немногим по-наслышке.

Одним из таких людей эпохи Возрождения, — людей, не шедших проторенными путями, — фигурой, по силе и характеру своих необычайных дарований очень четко очерченной, бесспорно является зодчий-инженер и ученый механик Аристотель Фиораванти, уроженец города Болоньи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ревняя Болонья [1], расположенная на дороге между Флоренцией и Вероной, издавна считалась среди остальных городов Италии «ученой» (la dotta). Это прозвище было заслужено ею недаром. На самой заре итальянской образованности, еще до основания университета, в Болонье существовала школа «свободных искусств», пользовавшаяся уже в X столетии громкой известностью. Университет (один из древнейших в Европе), основанный в XII столетии по почину законоведов, широко раздвинул границы этой известности.

В эпоху господства средневековой схоластики и всеподавляющего церковного авторитета Болонский университет вообще был прогрессивным учреждением; в его стены

[1] *Болонья* (Bolognia), во II веке до н. э. ставшая римской колонией, свое первоначальное имя «Бонония» получила от галльского племени бойев, некогда владевших ею.

женщины допускались не только для слушания лекций, но и в качестве преподавательниц.

Имена знаменитых профессоров, свобода и широта их преподавания, удачное местоположение Болоньи, ее здоровый климат и богатство почвы привлекали в нее со всех сторон Италии и из-за рубежа молодежь и людей зрелого возраста, не стыдившихся превращаться в болонских schalarii (школяров). В Болонью ехали учиться разным наукам, подобно тому как во Флоренцию ехали изучать искусство и наслаждаться им, в Венецию — вести морскую торговлю, наживать деньги, веселиться, а в Рим — делать карьеру при папском дворе или раскапывать античные развалины. В политическом отношении Болонья всегда была «папским» городом. Дворянство в Болонье не несло общественной службы, так как в ней всегда отдавалось предпочтение демократическо-буржуазному строю. Большую роль здесь играли люди науки, по позднейшему понятию — разночинная интеллигенция. В XV столетии развитая торговля и промышленность (шелковое и пищевое производство), а в особенности тучнейшие на всем полуострове пажити и огромные виноградники, обеспечивали Болонье материальное благосостояние, давали ей возможность избегать опасных предприятий, способных потрясти налаженный уклад и буржуазное преуспевание города-государства.

В этом старинном благоустроенном городе между 1415—1418 гг. у Фиораванти ди Ридольфо и жены его Беттины Алле родился сын, названный Аристотелем. Не мешает заметить, что имя Аристотель не было, как думали прежде, дано его носителю лишь с течением времени в виде прозвища за его изумительные познания ученого

зодчего-инженера. Во всех итальянских архивных документах, касающихся даже ранней молодости будущего знаменитого строителя, он неизменно именуется Аристотелем. Его фамильным по отцу прозвищем было Фиораванти, подобно тому как в свою очередь его отец по своему отцу именовался maestro Fioravante di Ridolfo, т. е. «мастер Фиораванте, происходящий от Ридольфо» [1]. Это подтверждается также и тем, что под всеми дошедшими до нас документами сам Аристотель подписывался не иначе, как Aristotele da Fioravanti (Аристотель, происходящий от Фиораванте) или просто Aristotele da Bologna (Аристотель из Болоньи). Таким образом, именование разными авторами Аристотеля Фиораванти то Альберти Фиораванти, то Ридольфо Фиораванти, то Фиораванти дельи Альберти по всем данным неверно. Человек, в 10-х годах XV столетия увидевший свет в Болонье, а в 70-х годах этого века обессмертивший себя постройкой кафедрального собора в Москве, от рождения звался Аристотелем, и это имя он получил очевидно в связи с тем, что начавший тогда распространяться в Италии эллинизм ввел в большую моду подобные имена. В то время присущее итальянскому образованному обществу поклонение всему античному затмило христианских святых и, вопреки увещаниям благочестивых людей, в военных семьях сыновей нарицали при крещении Агамемноном или Ахиллом, у художников их называли Апеллесом, у гуманистов — Платоном, а дочерей — Минервой. Люди взрослые сами латинизировали тогда свои имена, благодаря чему

[1] Точно так же знаменитого Рафаэля по его отцу Джиованни Санте или Санти именовали Рафаэль Санти, а впоследствии неправильно Санцио от латинского sanctius.

Джиованни превращался в Януса, Мазо — в Амазиуса и т. п.

В жилах Аристотеля Фиораванти текла кровь наследственных строителей. Его дед Фиораванте-Бартоломео Ридольфо, отец, тоже Фиораванте, и дядя Бартоломео были зодчими. Предание, будто они состояли в родстве с известной в истории итальянской фамилией Альберти, ничем достоверным не подтверждается. Отец Аристотеля в 1425—1430 гг. построил в Болонье (а по мнению некоторых только перестроил после пожара) большое палаццо Коммунале (дворец Общин). Итальянский искусствовед Корадо Риччи считает[1], что он же построил в этом городе палаццо Мерканциа и дом Таккони. Но если ему в действительности принадлежит только постройка дворца Общин, все равно он безусловно может считаться выдающимся архитектором.

Аристотель Фиораванти рос в зажиточной среде, с детских лет окруженный чертежами, рукописями, трактовавшими об инженерном и строительном искусстве, инструментами, имевшими отношение к зодчеству. Он был уже достаточно взрослым мальчиком, когда его отец строил палаццо Коммунале[2], и это обстоятельство несомненно оказало большое влияние на развитие его способностей прирожденного строителя. По общему правилу тех времен всякий, желающий сделаться архитектором, живописцем,

[1] См. его «Fioravante Fioravanti et l'architettura Bolognese della prima metà del secolo XV» («Фиораванте Фиораванти и болонская архитектура первой половины XV в.»). Roma, 1891.

[2] Некоторые исследователи ошибочно приписывают постройку этого здания самому Аристотелю Фиораванти, совершенно не учитывая того, что постройка началась в 1425 г., когда он был не старше десяти лет, а кончилась в 1430 г.

скульптором или мастером прикладного искусства, должен был лет десяти поступить на продолжительный срок в мастерскую какого-нибудь художника-специалиста. Образование, получаемое таким способом, было строго профессиональное. Карьера всякого художника, будь то живописец, скульптор, архитектор, ювелир или литейщик, в начале своем определялась тремя степенями: ученика, товарища и мастера. Срок прохождения двух первых степеней был довольно неопределенный, колеблясь от двух-трех до шести, иногда даже восьми лет.

Аристотель Фиораванти имел возможность свое профессиональное образование получить под руководством отца, отчасти дяди Бартоломео, тоже небезызвестного мастера. Это образование не носило узко архитектурного характера; оно без сомнения было очень широким. Самостоятельная деятельность Фиораванти доказывает, что в молодости он получил согласно требованиям той эпохи самые основательные познания в области военно-инженерного искусства, литейного и чеканного дела, фортификации (крепостное строительство) и прикладной механики (особенно по отделу гидравлики). По всей вероятности некоторые отрасли (например чеканное и литейное дело) он изучал не дома, а на стороне, у лучших болонских мастеров. Принимая во внимание выдающиеся способности Фиораванти, его благоприятные материальные обстоятельства и несомненно умелое руководство отца, он должен был (беря средний срок даже в четыре года) не позже четырнадцати-пятнадцати лет закончить свой предварительный стаж ученика и товарища и с этих пор конечно стал принимать непосредственное участие в строительных работах своего отца и дяди Бартоломео.

Однако о жизни молодого Аристотеля Фиораванти до 1436 г. почти ничего не известно. Семейная обстановка повидимому предохранила юного Аристотеля от многих искушений молодости, чему способствовал очевидно и общественно-бытовой уклад солидной Болоньи. Жизнь ее граждан вообще, в частности художников, протекала мирно, в продуктивной работе. Это содействовало серьезному учению молодого Аристотеля, развитию его творческих сил, благодаря чему он мог впоследствии, будучи еще восемнадцати-двадцати лет, выступить в родном городе в качестве искусного мастера литейного дела и изобретательного механика.

Впервые об Аристотеле Фиораванти как о мастере упоминает в своей хронике (1436) мастер же Гаспаро Нади, описавший свое совместное с ним литье и поднятие на башню Аринго дворца дель Подеста́ городского колокола. О его дальнейших работах в течение пятнадцати лет мало что известно. Однако с уверенностью можно сказать, что он был соработником своего отца, когда тот в конце 40-х годов производил гидравлические работы в Миланском герцогстве. После смерти отца (1447) он занимался строительством в Болонье вместе со своим дядей Бартоломео. Очевидно, уже оставив литейное дело, он начал в те дни приобретать определенную известность как magister ingenierium (мастер инженерного искусства), так как в 1451—1452 гг. мы видим его в Риме, тогдашнем центре археологических раскопок и нового строительства в широких размерах, где по поручению папы Николая V он выкопал и перевез монолитные колонны античного храма Минервы. С успехом окончив это нелегкое задание, Фиораванти вернулся в Болонью, и вышеупомянутый Гаспаро

Нади сообщает, что, когда в 1453 г. по желанию папского легата кардинала Виссариона был отлит в Болонье новый, большого размера городской колокол, снова обратились к Аристотелю. Он устроил тогда для подъема этого колокола особую лебедку и другие остроумные приспособления, описания которых, к сожалению, не сохранились.

1455 год знаменует собой начало громкой известности Аристотеля Фиораванти. За срок менее пяти месяцев он совершает ряд работ, дающих право такому компетентному судье, как Е. Мюнтц [1], считать его самым выдающимся инженером и одним из знаменитейших архитекторов Италии XV столетия. В этом году он при помощи изобретенного им механизма передвигает в Болонье без всяких повреждений на 35 футов в сторону колокольню церкви св. Марка со всеми колоколами.

Для технических возможностей тех времен это было нечто неслыханное, и кардинал Виссарион в качестве представителя папы Николая V, «покровителя искусств и наук», наградил смелого инженера подарком в пятьдесят золотых флоринов. Этот факт личного знакомства Виссариона с Аристотелем следует отметить, так как он достаточно объясняет одну из причин важнейшего события в дальнейшей жизни Фиораванти — его поездку на службу в Москву.

Покончив с работой в Болонье, Аристотель отправился в соседнее Ченто, где выпрямил, не вынимая ни одного кирпича, колокольню св. Власия, отклонившуюся от отвесной линии на 5½ футов. Простояв после этого впол-

[1] См. *E. Muntz*, Histoire de l'art pendant Renaissance (История искусства эпохи Ренессанса), v. I, Paris, 1889.

не благополучно более двухсот лет, она была разобрана только в XVIII столетии.

Затем мы видим его в Венеции. Здесь, после столь же удачного, как в Ченто, выпрямления башни при церкви св. Ангела, Аристотеля ожидала первая серьезная неудача; выпрямленная им венецианская башня простояла всего лишь двое суток и ночью неожиданно обрушилась, задавив несколько человек. Случай произошел однако не из-за неуменья Фиораванти, а вследствие слабости грунта Венеции. С этих пор Фиораванти проявлял большую осторожность. Так, в 1458 г., будучи приглашен ваятелем Паньо (Pagno) перенести во Флоренции колокольню за тысячу флоринов золотом, он потребовал предварительного ознакомления с качеством грунта и состоянием фундамента этого сооружения.

После падения башни венецианские власти начали следствие этого происшествия, и Фиораванти, не доверяя беспристрастию венецианского правосудия, предпочел тайно покинуть город каналов.

Венецианская катастрофа не повредила начавшейся известности Фиораванти, а способствовала ей. Грохот падающих камней сыграл роль своеобразной рекламы — возбудил оживленные толки о болонском инженере-механике. Толки же эти повидимому были благоприятны для него, так как он едва ли успел еще нажить себе в профессиональной среде серьезных недоброжелателей, а его поразительные работы с башнями в Болонье и Ченто произвели на всех современников величайшее впечатление. Один из очевидцев этих работ, Людовико Лудовизи, знатный буржуа, дважды писал о них миланскому герцогу, советуя ему непременно пригласить Аристотеля к себе на службу.

Университет в Болоньи

Храм св. Марка в Венеции по картине Дж. Беллини, современника Аристотеля Фиораванти. **Постройку этого здания московский посол приписывал Фиораванти**

Письма Лудовизи дают между прочим и некоторое представление о наружности Аристотеля; в них он описывается как мужчина среднего роста, лет за тридцать, мало разговорчивый, опрятный и «вообще человек очень подходящий для герцогского двора». Последние слова этой характеристики свидетельствуют, что помимо своих выдающихся познаний Фиораванти отличался умелым обхождением с людьми высшего круга, при случае мог быть и неплохим cortegiano (царедворцем).

За отсутствием в то время в Милане подходящих работ, Фиораванти не был приглашен герцогом и два года (1456—1457) в Болонье занимался исправлением и постройкой части городской стены. В 1456 г. он вступил в местное «общество каменщиков», к которому принадлежал до 1472 г., дважды исполняя в нем должность massaro dell'arte dei muratori (старшина цеха каменщиков).

С 1458 г. начинается деятельность Фиораванти в Миланском герцогстве [1]. С этого момента можно проследить его жизнь и работы из года в год (с некоторым пробелом лишь к самому концу), до 1485 г. включительно.

Первой его работой (1458) в Ломбардской области была починка арок древнего моста на реке Тичино в городе Павии. В 1459 г. он выпрямляет башню в городе Мантуе у ворот Черезе [2] и получает от герцога Сфорца вознаграждение в триста червонцев. В конце того же года он приступает к устройству Пармского канала. В 1460 г., про-

[1] Из всех больших городов Апеннинского полуострова Милан более других был военным городом, чем и объясняется характер большинства работ Фиораванти в этом герцогстве.

[2] Эту башню, менее высокую, чем башни в Болонье и Ченто, но более грузную и широкую, разобрали вместе с воротами только в начале текущего столетия.

должая устройство этого канала, он осматривает по распоряжению герцога миланские крепости в целях исправления и улучшения их. В 1461 г. он помогает известному архитектору Антонио Аверулино[1] при постройке отчасти еще и теперь существующего в Милане Ospedale Maggiore (Большой госпиталь). В этом же году он производил работы над Кремонским каналом и в Парме выпрямил часть городской стены, грозившей падением. В 1462—1463 гг. он спрямлял быстро текущую реку Кростоло, являвшуюся границей между владениями городов Пармы и Реджио. В том же году ему было поручено исправление разных военных сооружений в Аббиятеграссо, Бойеда и Сартирано, замках Миланского герцогства.

В 1464 г. Фиораванти оставляет службу в Милане, очевидно недовольный затягиванием уплаты следуемого ему вознаграждения. Повидимому он ищет себе другого владетельного нанимателя, так как осенью этого года он посылает герцогу Феррарскому сделанную им из меди модель фонтана с герцогским гербом. Однако приглашения из Феррары не последовало, и в ноябре Фиораванти с семьей возвращается в родной город, где остались недоконченными строительные работы его, тогда уже покойного, дяди Бартоломео.

За годы, проведенные Фиораванти в Миланском герцогстве, его творчество развернулось в области военно-инженерного строительства и многочисленных, очень

[1] Антонио Аверулино (творец бронзовых ворот базилики св. Петра в Риме), прозванный Филаретом, является также автором романообразного «Трактата об архитектуре», в котором изложены новые архитектурные принципы и научные вспомогательные средства. В этом трактате, говоря о Фиораванти, Аверулино скрывает его под анаграммою Lestitoria segnelobo, т. е. Аристотель-болонец.

сложных гидравлических работ. Последнее обстоятельство дает основание полагать, что много гидравлических работ в Ломбардии, и поныне приписываемых Леонардо да Винчи, в действительности принадлежали Аристотелю Фиораванти, Бертолу из города Новате и Агуцию Кремонскому и что таким образом великий тосканский инженер и художник является в данном случае продолжателем трудов названных лиц [1].

Громкая известность Фиораванти переходила в славу. Слух о нем как об искусном зодчем и выдающемся военном инженере проник уже за Альпы. В 1467 г. он был приглашен с согласия болонских властей [2] венгерским королем Матвеем Корвином для возведения оборонительных укреплений на Дунае против наступающих турок. Он пробыл там недолго, но успел спроектировать задуманные Корвином укрепления, большой мост через Дунай и еще какие-то сооружения. Деятельностью Фиораванти в Венгрии остались очень довольны; король возвел его в звание придворного кавалера (рыцаря) и по преданию разрешил отчеканить монету с его изображением и подписью.

1468—1469 гг. Фиораванти проводит в Болонье, попрежнему на городской службе. В следующем году он строит водопровод в городе Ченто, где тринадцать лет назад так успешно выпрямил башню. Тогда же он получает приглашение от коллегии кардиналов приехать в Рим по поводу перенесения на другое место античного обелиска императора Калигулы. В июле 1471 г. он обсуждает свой

[1] Мысль эту высказал Бельтрами в своей брошюре «Leonardo da Vinci e il Naviglio» («Леонардо да Винчи и корабль»). 1886.

[2] Болонцы так дорожили Аристотелем, что, отпуская его на сторонние работы, всегда сохраняли за ним положенное ему от города жалованье.

проект с папой Павлом II, который во время этой беседы скоропостижно скончался. Работы были отложены, и Фиораванти вернулся в Болонью с тем, чтобы (по мнению Мюнтца) в 1472 г. отправиться в Неаполь по приглашению короля Фердинанда. Здесь он между прочим посредством какого-то изобретенного им приспособления, о котором тоже не сохранилось никаких сведений, поднял со дна Неаполитанского залива упавший туда тяжелый ящик, за что был особо вознагражден королем.

Относительно других работ Фиораванти в этом году (1472) определенных сведений не имеется, но один из его биографов, Бельтрами, полагает, что он был тогда занят изготовлением новой модели дворца дель Подеста́, по которой в 1485 г. началась капитальная перестройка этого средневекового здания. Свое предположение Бельтрами базирует на одной записи позднейших болонских хроник, сообщающей, что модель была изготовлена в 1472 г. неизвестным мастером. Бельтрами считает, что этим мастером не мог быть никто другой кроме Аристотеля Фиораванти. К этому следует прибавить, что заслуживающий доверия Гуиндичини в своей работе «Cose notabili della citta di Bologna» («Достопамятные события города Болоньи»), относящейся к 1869 г., сообщает о виденном лично им старинном документе, свидетельствующем, что эта модель была сработана именно Аристотелем. Есть наконец еще одно соображение, подкрепляющее предположение Бельтрами и сообщение Гуиндичини, но о нем удобнее будет сказать позднее, подводя уже общие итоги жизни и деятельности Фиораванти.

В 1473 г. он в третий раз едет в Рим для предполагавшихся там работ.

Он был прекрасно принят папой Сикстом IV, но был арестован по делу о фальшивой монете. Неизвестно, в чем именно обвиняли Фиораванти; вернее всего история была результатом закулисных интриг появившихся тайных врагов и завистников Фиораванти. Повидимому какому-то достаточно влиятельному лицу понадобилось очернить Фиораванти, столкнуть его с занимаемой позиции, устроить на выгодные работы (в Риме или Болонье) своего человечка.

Такая мысль напрашивается сама собой ввиду того, что болонские власти, не дождавшись доказательств обвинения и объяснений обвиняемого, с подозрительной быстротой лишили Аристотеля содержания и отставили от занимаемой им должности, а вместе с тем они же всячески добивались возвращения Фиораванти в Болонью. Едва ли это могло бы иметь место в отношении человека, по-настоящему скомпрометированного. Во всяком случае обвинение кончилось ничем, Фиораванти был освобожден и навсегда покинул Вечный город.

1474—1475 гг. в отношении местопребывания и деятельности Фиораванти неясны. Один из его биографов, Гуаланди, писавший до новейших архивных открытий, считал, что Аристотель проживал тогда в Милане на службе у нового герцога Галлеаццо-Мария. Какие-то отношения между Фиораванти и герцогом действительно существовали, что подтверждается письмом Аристотеля из Москвы к герцогу, однако следов пребывания или работ Фиораванти за эти годы в Миланском герцогстве не имеется. Приходится поэтому пока считать, согласно старым русским летописям, что после разных мытарств в Риме Фиораванти обосновался в Венеции.

Осенью 1474 г. в Венеции проживал редкий в то время для Западной Европы гость — посол московского великого князя Ивана III Семен Толбузин, которому сверх его дипломатической цели было поручено пригласить на московскую службу искусного муроля (архитектора) для постройки собора. В поисках нужного лица Толбузин обратился к Фиораванти, о котором он слышал уже в Москве.

Имеются данные, что незадолго перед тем Фиораванти получил приглашение султана Магомета II приехать в Стамбул для постройки огромного сераля [1]. Архитектор отказался. Его помимо нежелания служить турецкому султану удержали и слухи о свирепой жестокости завоевателя Константинополя, ни в грош не ставившего человеческую жизнь. Слухи эти подтверждались рассказом итальянского художника Джентиле Беллини, состоявшего на султанской службе. Вот этот рассказ: Беллини писал в присутствии Магомета картину — усекновение главы Иоанна Предтечи. Султан был восхищен мастерством живописца, но заметил ему, что перерубленным мышцам шеи придан отпечаток спокойного состояния перед смертью и оспаривал верность этой подробности. Беллини же утверждал, что он наблюдал хорошо и изобразил верно.

Магомет вышел из терпения и в гневе обнажил свой ятаган. Художник подумал, что пришел ему конец. Но султан кликнул раба, одним ударом отсек ему голову

[1] *Сераль* — группа дворцов, разных зданий и садов в Константинополе, обнесенных стеною. Приглашение Фиораванти строить сераль свидетельствует, что в качестве гражданского архитектора он был тогда прославлен не меньше, чем крепостной инженер.

и наглядно доказал художнику быстрое и внезапное сокращение мышц при прохождении режущего орудия. Подобные рассказы, разумеется, мало располагали европейцев к служебным поездкам в Стамбул.

Сведения о пребывании Фиораванти в Венеции и о его знакомстве именно в этом городе с Толбузиным мы черпаем только из русской, так называемой Львовской летописи. Ей приходится верить, ибо русские летописцы, иногда замалчивая факты или толкуя их пристрастно, не грешат умышленным их выдумыванием.

По приезде в Москву Толбузин, пространно повествуя о муроле-болонце, рассказывал, что Аристотель проживал в Венеции в собственном богатом доме, где перед рассказчиком проделывал разные «чудеса»: лил из оловянного сосуда на медное блюдо и воду, и вино, и мед «и что хотяще, то и потечеть». В наивных рассказах московита (как звали тогда на Западе русских) фигура Фиораванти принимала облик таинственного мага, и сам Толбузин, восторгаясь знаменитым муролем, все великолепные постройки Венеции, не исключая и собора св. Марка, считал его произведениями [1].

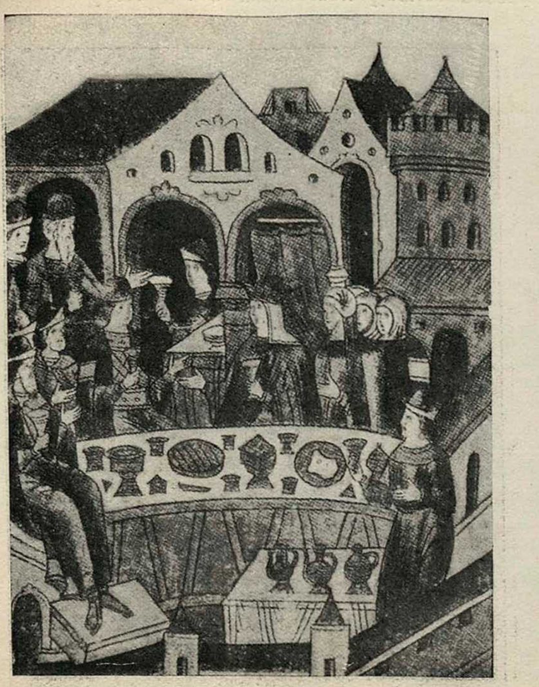
Венецианские зодчие не приняли предложения Толбузина ехать на службу в далекую Московию. Согласился Аристотель Фиораванти. Глава республики, дож Марчелло, отпустил архитектора с неохотой, но в угоду московскому государю за то, что последний натравил татарского хана на турок, врагов Венеции.

[1] В архивах Венеции не обнаружено документов, подтверждающих проживание Аристотеля в этом городе в 1474—1475 гг. Может быть в действительности он жил поблизости, в венецианских владениях, а в Венеции мог принимать Толбузина в доме своего знакомого.

Трудно сказать с уверенностью, что побудило Аристотеля Фиораванти, знаменитого архитектора, искусного инженера, за вознаграждение, правда, не плохое (десять рублей или два фунта серебра в месяц), отправиться на службу в полудикую холодную страну. Должно быть существовали немаловажные причины; возможно, пережитый в Риме случай повредил общественной репутации Аристотеля, и он, будучи как бы не у дел, опасался дальнейшей сильной конкуренции; возможно, что вопреки сообщению Толбузина о богатом доме муроля на самом деле Фиораванти находился не в блестящих материальных обстоятельствах. Если все это, хотя бы в общем, действительно так, то Фиораванти с честью выходил из неблагоприятного положения. Он поступал на службу к большому государю, союза и поддержки которого добивалась в ту пору Италия; ехал во вновь открытую, заманчивую своей неизвестностью страну, где его разносторонним талантам открывался самый широкий простор.

Фиораванти было тогда около шестидесяти лет, но выглядел он моложе, был полон физических сил, энергии и широких замыслов. В январе 1475 г. вместе с Толбузиным он выехал в путь. «Взял же с собой Аристотель сына своего Андрея, да паробка Петрушку»,—сообщает русская летопись об отъезде Фиораванти из Венеции.

Возведение первых каменных стен московского Кремля в 60-х годах XIV столетия. С миниатюры из лицевой рукописи

Постройка в московском Кремле первой каменной церкви (Успенский собор)
С миниатюры из лицевой рукописи

Белокаменный барельеф работы Ермолина, некогда находившийся на построенных им Фроловских (Спасских) воротах, позднее разобранных итальянскими зодчими. Скульптура XV века (реконструкция XIX века)

Древние скульптурные украшения наружных стен собора в Юрьеве-Польском, реконструированного Ермолиным в 1471 году

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

тальянская новелла XV столетия повествует: «Однажды европейские купцы, прибыв в Польшу и не желая ехать дальше ради закупки мехов, пригласили на берега Борисфена (Днепра) для переговоров подданных соседнего северного князя. Северяне, очевидно опасаясь быть взятыми в плен поляками, остались на своем берегу, западные купцы — на польском, да так и начали торговаться, громко перекликаясь через реку. Однако, так как дело происходило зимой, то, вследствие невероятной стужи, слова, не достигая противоположного берега, замерзали в воздухе. Чтобы выйти из затруднения, разложили по середине реки на твердом, как мрамор, льду огромный костер. Слова, долгое время висевшие в воздухе обледенелыми, от пламени костра начали таять, струиться с тихим журчаньем и наконец были явственно услышаны на польской стороне,

хотя северяне давно уже удалились с противоположного берега».

Такие занимательные фантазии в литературе долго соответствовали представлениям средневековой Европы о землях восточнее линии Днепр — Волхов. Почерпнутые из сочинений греко-римской эпохи сведения о более восточных областях обрывались для средневекового космографа[1] там, где его оставляли эти источники, благодаря чему названия географические и этнографические постоянно сближались с разными именами, встречаемыми у Геродота, Страбона и Птоломея. В Западной Европе, за немногими исключениями, при папском дворе знали весьма смутно, что некогда между Борисфеном (Днепр), Танаисом (Дон) и Меотийскими болотами (Азовское море) существовало большое «царство россов» (Киевская Русь), завоеванное азиатским героем Батыем, предводителем грозных татар, которых отождествляли со скифами.

Но если о старорусских приднепровских землях имелись еще кое-какие, хотя скудные и сбивчивые, представления, то северо-восточная Русь была подлинная terra incognita (неведомая земля). О ней сообщалось, что она, покрытая безграничными лесами и непроходимыми болотами, простирается далеко на северо-восток, вплоть до Гиперборейской Скифии и никем неисследованного Скифского (Ледовитого) океана, до стран, покрытых вечным полуночным мраком.

Сведения, сообщенные Европе двумя средневековыми путешественниками (Плано Карпини и Гильом Рубруквис), проехавшими в середине XIII столетия к татарам

[1] В старину так назывались составители руководств с ландкартами, текстом и рисунками.

Ландкарта Московии по представлениям западноевропейцев эпохи Возрождения. С гравюры из книги Герберштейна «Записки о Московии»

через днепровские и волжские степи, не рассеяли баснословия и не дали хоть сколько-нибудь верного представления о стране.

Между тем на северо-востоке Европы, в треугольнике, образуемом течением рек Волги, Оки и верховьев Днепра, еще с конца XIII столетия начало складываться государство, превратившееся уже в огромную страну во второй половине XV столетия. О главном городе этого государства летописи впервые упоминают только в середине XII столетия как о княжеском селе. Москва [1], впоследствии передавшая, подобно древнему Риму, свое имя всей стране, долгое время не была даже княжеской резиденцией, а когда она ею сделалась, то по началу во всех ее владениях был только один город — она сама, попрежнему большое, сплошь деревянное село. Но прошло сорок-пятьдесят лет, и это село превратилось в резиденцию самого сильного князя, получившего от Золотой орды ярлык [2] на великое княжение.

Причины этого превращения в столь короткий срок вкратце сводятся к следующему. Москва возникла на западной окраине так называемого Залесья, или Суздальской земли. Развитие Суздальщины началось в XII столетии и шло параллельно упадку Киевской Руси, население которой отливало к северо-востоку, так как вследствие крестовых походов великий торговый путь из Скандинавии в Константинополь переместился через Венецию, а княже-

[1] Происхождение слова *Москва* до сих пор неясно. Из разных толкований его наиболее подходящим является предложенное С. Кузнецовым, который производит его от черемисского слова *Маскавá* (медведица).

[2] Грамота, которою ханы Золотой орды назначали кого-нибудь из русских князей великим, т. е. старшим над остальными князьями.

ские междоусобицы и нашествия монголов довершили падение Киева: он потерял свое значение и стал экономически хиреть; Киевская Русь надолго запустела.

Во время монгольского владычества татарские набеги периодически обрушивались на открытые юго-восточные земли Суздальщины, благодаря чему население стало уходить в более западные княжества — Московское и Тверское. С увеличением в последних плотности населения материальное состояние начало заметно прогрессировать, а вместе с тем между Москвой и Тверью закипела беспощадная, кровавая борьба. В этом поединке победила Москва, умело использовавшая свое экономическое превосходство, обусловленное ее чрезвычайно выгодным географическим положением.

Тогдашняя область являлась как бы перекрестком дорог в сношениях Запада с Востоком и Севера с Югом. Москва связывала богатейшую торговую республику, «господина Великого Новгорода», с Рязанской областью[1], изобиловавшей медом и воском, которыми Новгород и Псков (тоже торговая республика) снабжали в качестве посредников Европу. Через Москву же эти города получали с «низа», т. е. из Поволжского края, хлеб. С Запада на Восток путь на Волгу из промышленной Смоленской области (Западной Двиной, общавшейся с Прибалтикой) шел по верховьям Днепра до теперешнего Вышнего Во-

[1] Нынешняя улица Герцена была большой дорогой, связывавшей через Волок-Ламский (Волоколамск) Новгород с пристанью на Москва-реке, находившейся около теперешнего Москворецкого моста; на другой стороне реки, против пристани, начиналась сухопутная дорога в Золотую орду (ныне Б. Ордынка), шедшая через Рязанскую область, в которую из Москвы плавали также Москва-рекою и Окою.

лочка; отсюда сухопутьем («волоком») переправлялись на верховье Москва-реки, соединявшейся перевалом[1] с рекой Клязьмой; дальше Ока и Волга. Тут уже начиналась «столбовая дорога» в Азию. В Смоленской же области с верховьев Днепра открывалась дорога в Черниговщину и Киев. Москва-река посредством Оки сближала Московское княжество и с верховьями Дона, по которому от г. Данкова плыли в крымские торговые города.

Великий водный путь из Европы на Восток и обратно (система рек Волги, Оки, Москва-реки с их притоками и верховьями других рек), существовавший исстари[2], к концу средневековья не только доставил Москве победу над соседними княжествами, начиная с Твери, но и вообще предопределил в дальнейшем ее торгово-политическую гегемонию на северо-востоке Европы.

Скрещение торговых путей дало возможность Москве установить в своей области целый ряд мытных, т. е. таможенных, дворов, взимавших пошлины с речных и сухопутных торговых караванов[3]. От сборов богатела московская казна. Московские князья, как на подбор, были осторожными и жестокими купцами, имевшими мало общего с прежними южнорусскими витязями, склонными к военным предприятиям; в нелегкой школе монгольского владыче-

[1] Перевал на верховья реки Клязьмы начинался с реки Всходни (Сходня), впадающей в Москва-реку.

[2] Об этом свидетельствуют находимые при археологических раскопках древневосточные и скандинавские монеты, разные металлические изделия, сосуды и т. п.

[3] Об этих таможенных дворах до сих пор красноречиво говорят некоторые географические названия Московской области. Например под городом Рузой на реке Озерни есть селение Мытники, под Москвой — село Большие Мытищи, в самой Москве существует около Москворецкого моста Мытный переулок.

ства выработался тип правителя терпеливого, скупого, изворотливого и дальновидного. Не имея поначалу политического значения, денег и достаточной военной силы, такой правитель принужден был вести политику, основанную на двойственности средств при единстве цели, что ярче всего выразилось в его самоунижении перед ханами и в крутом самодержавии в отношении подданных. Тип московского князя-купца вполне четко определился в лице Ивана Калиты [1], сумевшего заполучить в свои руки так называемый «выход» [2] и превратить богатейшую Москву в великокняжеский город (1328). Первый московский князь Данила в 1303 г. мог завещать преемнику кроме Москвы всего лишь два города—Можайск и Переяславль; менее чем сорок лет спустя (1341) Иван Калита оставил наследникам большую казну, вшестеро увеличенную территорию и узел водных путей Залесья.

Московские князья в тесном союзе с боярством, церковью [3] и купечеством путем дипломатии, силой оружия и права наследования расширяли владения, присоединяя соседние княжества (Тверское, Ярославское, Суздальское, Ростовское, Нижегородское), «инородческие» земли к северо-востоку и сводили на-нет независимость вольных городов Новгорода и Пскова. Во второй половине XIV в. княжество превращается в Московское государство, и Мо-

[1] *Калита,* т. е. кошель, мошна; так прозвали современники Ивана I за его скопидомство и уменье добывать деньгу.

[2] *Выходом* называлась дань, которую покоренная Русь платила татарам. Передача сбора этой дани в руки московских князей очень обогащала правящую Москву, так как немалая доля собираемых денег оставалась в великокняжеской казне.

[3] Растущую силу Москвы быстро оценила церковь, в связи с чем в 1328 г. митрополичья кафедра была перенесена из Владимира в Москву.

сква становится лицом к лицу с Польско-Литовским королевством, Ливонским орденом в Прибалтике, Швецией на Финском полуострове. Московская политика начинает выходить на более широкую дорогу, торговля настойчиво тянется к Западу, стремится овладеть хоть одной гаванью Финского побережья для непосредственных сношений с Западной Европой. Правительственные круги при Иване III заняты мыслью найти в Европе союзников, заимствовать у них необходимые технические знания, вызвать из-за рубежа зодчих, опытных розмыслов (военных инженеров), оружейников, всякого рода ремесленников. Такие стремления совпадают с торгово-политическими интересами Италии, и она во второй половине XV столетия «открывает» для остальной Европы Московию и втягивает ее в сферу общеевропейских отношений. Это своеобразное «открытие» произошло в значительной мере вследствие упорного стремления Западной Европы найти новую торговую дорогу к заманчивым азиатским рынкам сбыта и вывоза.

Особый интерес к Московии проявлял римский папа в надежде ввести в этой стране католицизм. Именно в Ватикане был выработан план женитьбы Ивана III на Зое Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина VIII.

В феврале 1469 г. в Москву прибыл грек Юрий с письмом от кардинала Виссариона к Ивану III. В письме сообщается, что в Риме проживает молодая «православная христианка» именем София, дочь господаря Морейского Фомы Палеолога, что она уже отказала из отвращения к латинству двум западным государям, но что великому князю нечего опасаться отказа. Предложение было при-

нято очень благосклонно; между Римом и Москвой тогда впервые установилась официальная связь, и в Москве начали завязываться сложные узлы международных политических комбинаций.

Так экономические, церковные и военно-политические интересы Италии, переплетаясь и во многом совпадая с интересами Московского государства, вывели его в 70-х годах XV столетия из отчужденности по отношению к Западу и дали ему возможность приблизиться к культурным достижениям эпохи Возрождения. Когда Аристотель Фиораванти ехал в Москву, она была уже связана незримой нитью с Италией, была накануне грандиозной перестройки; Москва находилась в преддверии изменения своего архитектурного вида, призванного засвидетельствовать превращение Москвы в столицу могущественного независимого государства.

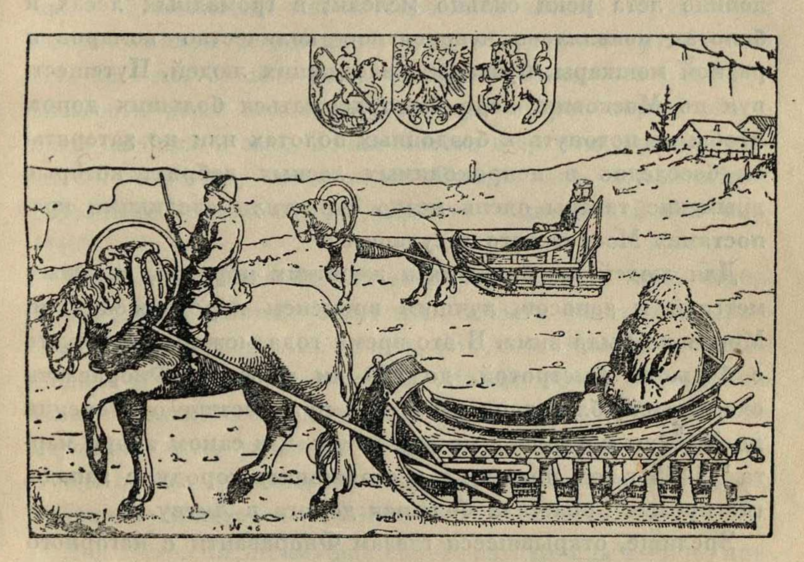

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Подробности путешествия Фиораванти в Москву неизвестны. Но по запискам ряда путешественников того времени мы можем представить его непосредственные впечатления от пути по Московии. Пока путешественники ехали Германией и западными польскими землями, они не встречали резкой перемены в окружавшей обстановке. Восточные же границы польско-литовского государства представляли мир, весьма отличный от Европы. Вместо многочисленных селений с плодовыми садами, каменных городов с дворцами и замков, горделиво красовавшихся на возвышенных местах, здесь встречались глухие деревни и лишь изредка деревянные городишки с дурными постоялыми дворами. Увеличивалось количество вод, лесов и болот, сменявшихся перелесками и равнинными пустырями.

От Вильно легли две дороги к Москве: одна длинная, но менее трудная, шла на север, через Ливонию на Новгород-Великий, сворачивая отсюда через Тверь на Москву; другая, значительно короче, трудная, по густым лесам и топям, шла на восток через Минск, Оршу, Смоленск, Вязьму и Можайск. Фиораванти ехал этим путем.

Способы передвижения по Московии зимой. С гравюры из книги Герберштейна «Записки о Московии»

Из Западной Европы в Московию существовал и третий путь: от немецкого города Любека Балтийским морем до Ревеля, отсюда через Новгород или Псков. Этим путем приехала София (Зоя) Палеолог.

Передвижение по самой Московии было крайне трудно; немногочисленные проезжие дороги были в самом перво-

бытном состоянии и зависели от перемен погоды. Реки и речушки, во множестве пересекавшие Московское государство, широко и бурно разливаясь весною, превращали поля в сплошные болота; дороги покрывались стоячей водою и такой невылазной грязью, что в некоторые города можно было попадать только санным путем. Во второй половине лета реки сильно мелели; в громадных лесах и болотах появлялось невероятное количество комаров и разной мошкары, буквально заедавших людей. Путешествуя по Московии, надо было держаться больших дорог, чтобы не потонуть в бездонных болотах или не затеряться бесследно в непроходимых лесных дебрях, которые крымские татары очень метко окрестили «великими крепостями» Московского государства.

Для людей, не боявшихся жестоких морозов, снежных метелей и заносов, лучшим временем передвижения по Московии была зима. В это время года можно было ехать с большой быстротой, до 150 км в сутки. Фиораванти ехал зимой, благодаря чему свое путешествие от Венеции до Москвы совершил месяца в три, и в самом конце марта [1] 1475 г. он подъехал к столичному городу с запада, где прежде пролегала большая дорога в Литву.

Зрелище, открывшееся глазам Фиораванти с нагорного берега Москва-реки, едва ли могло поразить его красотой и величественностью. В те далекие времена Москва не имела еще красных и белых каменных стен, башен со шпи-

[1] Русская летопись, говоря о приезде Фиораванти в Москву 26 марта 1475 г., прибавляет, что это было на самый «велик день», т. е. в пасхальное воскресенье. Так как (считая по ст. ст.) это может быть не позднее 22 апреля, то отпадает утверждение Собко (см. Русский биографический словарь), что Фиораванти приехал в Москву 26 апреля.

лями, уходящими в облака, цветных и золоченых куполов колоколен, которые в XVII столетии стали, по мнению иностранцев, придавать Москве, особенно в час заката, сказочный вид какого-то индийского города. В 1475 г. вместо такого восточного марева знаменитый итальянский архитектор увидел за рекою на холме мало живописную массу бревенчатых изб и строений, частью окруженных полусломанной деревянной оградой, частью разбросанных за нею. Москва была настолько мала, что с возвышенности было видно, как со всех сторон город обступают слободы и села. Такая Москва в архитектурном отношении вероятно показалась Фиораванти, знаменитому строителю [1], становищем каких-то «гиперборейских варваров».

Неблагоприятное впечатление от внешнего вида северной столицы должно было значительно смягчиться приемом: Фиораванти был очень радушно принят великим князем и обласкан его женой. Можно почти с уверенностью сказать, что Фиораванти был вызван в Москву не случайно, а по указанию Софии, несомненно слышавшей о нем от своего римского покровителя Виссариона, лично знавшего Аристотеля с 1455 г.

Зоя Палеолог, неимущая сирота-изгнанница в Риме, превратившаяся в Москве в великую княгиню Софию Фоминичну, очевидно скоро вспомнила о болонском зодчем.

В то время в Кремле шла фундаментальная перестройка русскими мастерами кафедрального собора, давшая

[1] В документах нотариального архива Болоньи Аристотель Фиораванти называется ammirabile ingegno (удивительный гений), его сооружения incredibili (невероятные), утверждается, что нет человека, который знал бы в архитектуре что-либо, неизвестное Аристотелю.

весьма печальные результаты: все здание внезапно развалилось. София Фоминична, наследница восточных кесарей, сидя в деревянных хоромах около этих развалин, весьма мало напоминавших живописные руины Рима, вероятно рекомендовала Фиораванти своему мужу.

Какова же была Москва ко времени приезда туда знаменитого болонца? Вкратце история ее строительства сводится к следующему.

Оставляя в стороне разного рода баснословные предания о так называемом «зачале Москвы», можно определенно сказать, что Москва возникла в качестве укрепленного поселка или острога[1] на высоком, впоследствии названном Боровицким, холме при слиянии Москва-реки и Неглинной в первой половине XI столетия, т. е. в то время, когда славянская колонизация с запада и юго-запада усиленно двинулась в междуречье Оки и Волги. Спустя лет сто, в 1147 г., мы имеем о Москве уже летописное известие как о сравнительно большом княжеском селе. Первое упоминание о Москве как о городе относится к 1156 г., когда, согласно летописи, суздальский князь Юрий Владимирович, по прозванью Долгорукий, «заложил город» ниже устья р. Неглинной. Слова о заложении города надо понимать в смысле сооружения укреплений, превративших княжеское село в тогдашний «город». Размеры этого городка были самые крохотные. Москва XII столетия едва ли занимала даже одну десятую часть нынешнего Кремля. По внешнему своему виду этот городок ничем не отличался от обычного типа всех древних городков северо-во-

[1] Название передавало понятие о тыне (ограде), сооруженном из вкопанных вертикально в землю бревен с заостренным верхним концом. Позднее так называли тюрьму.

сточной Руси: за рвом и деревянной оградой на валу в центре поселения стояла деревянная церковь, а рядом с нею высились такие же княжеские хоромы; за хоромами теснились амбары, конюшни, сараи. Вокруг городка шумел лес, а за ним по низине расстилались поля и луговины и поднимались дымы сел, кольцом окружавших зародыш будущего «стольного града». Эти села (Дорогомилово, Кудрино, Сущево и др.), отделенные от первобытной Москвы значительными расстояниями, впоследствии постепенно слились с нею, являясь теперь городскими частями.

В качестве простой сторожевой крепости и большой усадьбы военного феодала, расположенной в местности, укрепленной самой природой, Москва просуществовала почти до конца XIII столетия. Превратившись (1272) в постоянную резиденцию князей, Москва княжеская еще долго сохраняла характер укрепленного, сплошь деревянного села в глухой лесной стороне.

Но со времени Ивана Калиты внешний вид Москвы, отражая ее внутреннее преуспевание, меняется. «Кремлевский зародыш», несмотря на неоднократное разорение огнем и мечом, не только не погиб, но к 30-м годам XIV столетия стал торговым городом.

Именно в княжение Калиты произошла первая перестройка Кремля (1339—1340). Башни и стены этого нового Кремля [1], в размерах примерно в две трети нынешнего, были возведены из вековечного, необычайной толщины дуба («заложен град Москва дубов», — повествует летопись). Нужно представить себе в целом все эти

[1] Слово *кремль* в летописи впервые встречается в 1331 г.

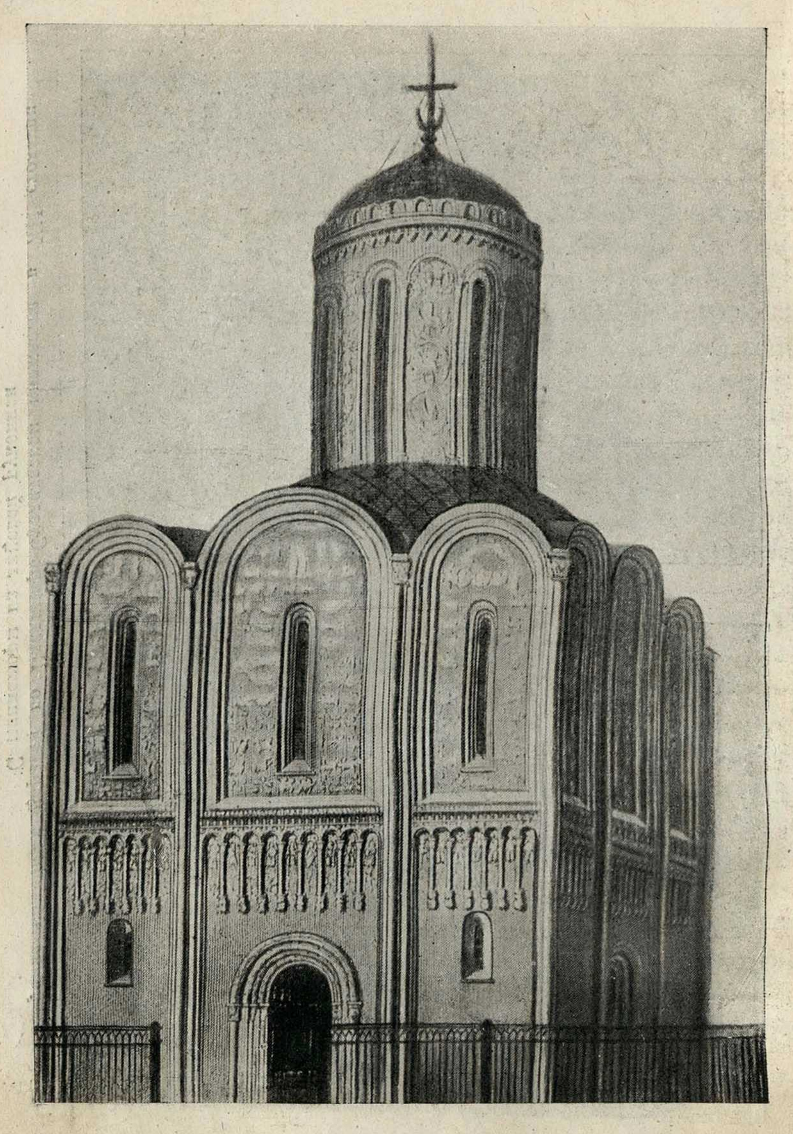
стрельницы (башни) и стены из дубов-колоссов (аршин в диаметре), чтобы понять, что сооружение было на Руси невиданным, оказавшимся под силу только богатейшему князю того времени [1].

К востоку от Кремля издавна стал устраиваться торговый поселок, посад, из которого впоследствии (XVI в.) образовался Китай-город. При перестройке Кремль потянулся в сторону этого посада, и стена настолько шагнула к востоку, что от торгового пригорода ее стала отделять всего лишь дорога на Волок-Ламский и Новгород Великий. Одновременно и внутри Кремля все главные здания передвинулись ближе к востоку; Фроловские (Спасские) ворота в восточной стене сделались главными, а Боровицкие (юго-западные) начали играть роль как бы дворцовой калитки. Москва княжеская, военно-феодальная и Москва торговая вступили в тесный союз.

Результаты такого союза отразились на архитектуре Кремля. В 1367 г. при новом расширении Кремля его впервые окружили стеной с такими же башнями. Последняя мера была крайне необходима как в отношении безопасности от постоянно свирепствовавших в старой Москве пожаров, так и для отражения нападений извне. Возведение каменных укреплений не замедлило дать практические результаты. В ближайшие же годы Москва с успехом отразила два нашествия Литвы, а татарскому хану Тохтамышу, осадившему Москву в 1382 г., удалось взять и разграбить Кремль исключительно благодаря предательству нижегородских князей. Тогдашний летописец очень верно оценил политическое значение новых каменных

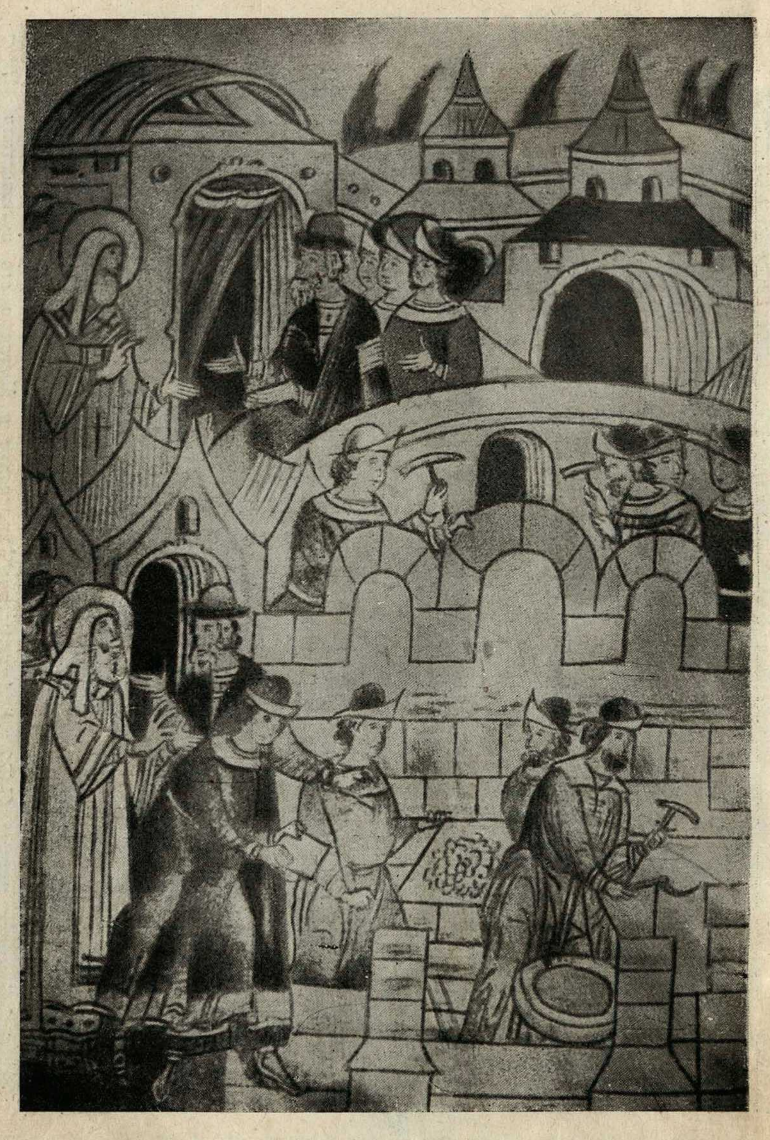
[1] Остатки этих стен были обнаружены при постройке Большого кремлевского дворца (1838—1849).

Постройка каменных церквей во Владимиро-Суздальском княжестве в XII столетии
С миниатюры из лицевой рукописи

Дмитриевский собор во Владимире, построенный в XII столетии итальянскими зодчими

Факсимиле письма (1476 г.) Аристотеля Фиораванти в Милан о его путешествии в Поморье (из архива герцогов Сфорца)

Постройка Успенского собора. С миниатюры из лицевой рукописи

стен Москвы, облегчивших ее князьям задачу удержать в своих руках старшинство над другими князьями. «Князь великий Дмитрий Иванович, — заносит летописец в свою хронику, — заложи град Москву каменну и начавши делати беспрестани; и всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, и на тех нача посягати».

Архитектура этих стен и башен в точности нам неизвестна, но предполагаем, что она была византийского стиля. Вообще же стены, окруженные глубоким рвом, были высокие и зубчатые, так как из летописных сведений о нашествии Тохтамыша видно, что между зубцами были поставлены заборола, т. е. деревянные ставни. Строительным материалом для этих сооружений служил белый мягковатый камень из окрестностей села Мячкова, расположенного километрах в тридцати от Москвы, вниз по реке. Впрочем такой камень добывали и много ближе, под Москвой. В 1866 г. в Дорогомилове, на берегу реки, дорылись на глубине примерно 20 м до отверстия в подземный ход, за которым следовало подземелье с четырьмя очень длинными галлереями, шедшими в разные стороны и местами превращавшимися в своеобразные залы. Не подлежит сомнению, что это остатки древних каменоломен, возникновение которых определенно относят (Забелин) к началу каменных построек в Москве. Летописи же этого времени ничего не сообщают о месте и процессе добычи строительного камня и извести.

В дальнейшем более ста лет Кремль не подвергался никакой капитальной перестройке, и к моменту приезда Аристотеля Фиораванти каменные стены московской твердыни совершенно потеряли свой первоначальный вид. Выдер-

жав целый ряд пожаров, нападений и даже землетрясение (1446), они пообвалились и были забраны деревом. Под конец эти заплаты и пристройки покрывали стены Кремля почти сплошь, в результате чего итальянский путешественник Контарини имел известное основание писать в своей книге, что «в городе Москве все строения, не исключая и самой крепости (т. е. Кремля), деревянные». Таким образом Кремль, окруженный каменной стеной с безобразными деревянными заплатами, по своим постройкам внутри был за малым исключением (церкви) сплошь деревянным. Каменные сооружения существовали только в замыслах Ивана III; за кремлевской оградой теснился целый город всевозможных деревянных строений, церквей и домишек. Это скопище человеческого жилья, прорезанное несколькими неправильными улицами и лабиринтом запутанных проулков, было так скучено, что местами крыши одних домов сходились с крышами других. Больших площадей (кроме одной) не существовало. Их заменяли более широкие улицы, но тоже заставленные часовенками и домишками.

Невзрачные обывательские строения [1] с огородами, монастыри и приземистые церкви с кладбищами заполняли собой все пространство в границах кремлевских стен, лепились по склону холма и создавали многочисленные тупики. Великокняжеские хоромы, построенные почти сто лет назад, были тоже деревянные. Они дробились на множество клетей, отличавшихся друг от друга по своим размерам, назначению и расположению. Это были: сенник,

[1] Кроме великокняжеской семьи, бояр, высшего духовенства и многочисленной придворной челяди в Кремле проживал в своих «дворишках» самый разнообразный люд.

изба (т. е. комната) средняя, западная, постельная, столовая, гридня, повалуша и др. Со всех сторон их окружали разные пристройки, ходы и переходы — открытые, под навесом и вовсе глухие. Несколько крылец, из которых «красное» отличалось каменными уступами и резными украшениями, выводили на площадь, а над всем этим высился чердак (терем) с двойными окнами на все стороны, с гульбищем (балконом), обведенным перилами. Совокупность всех этих строений, расположенных за отсутствием симметричного плана без соответствия в частях, увенчивалась кровлями, служившими не малым украшением старорусских, в особенности больших, зданий.

Возвышаясь на открытом месте холма над неуспевшими обветшать белокаменными зубчатыми стенами и башнями Кремля, этот деревянный дворец в свое время отличался своеобразной красотой — затейливой резьбой хоромин, сверкающей золотом кровлей многооконного чердака-терема. Нарядные хоромы московских князей в первые годы XV столетия были украшены неслыханным тогда на Руси чудом—часами. Как выдающийся случай было отмечено летописцем: «В лето 6912 [1] князь великий замыслил часник и поставил его на своем дворе за церковью. Сий же часник наречется *часомерье;* на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы нощные и дневные, не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако; сотворено есть человеческою хитростию, преизмеч-

[1] Т. е. 1404 год. Летосчисление вели от так называемого «сотворения мира», а год начинали с 1 марта. Для перевода на наше летосчисление надо из старых годов вычитать 5508 при месяцах январе и феврале и 5509 при остальных месяцах.

тано и преухищрено. Мастер же художник сему беяше некоторый чернец, иже от Святые Горы [1] пришедший, родом сербин, именем Лазарь; цена же сему беяше вящьще полтораста рублей» [2] (Троицкая летопись). Наступившая новая волна княжеской междоусобицы, неоднократные ограбления московской казны, пожары приостановили расширение и украшение Кремля. Дворец ветшал и ко времени приезда Фиораванти не производил прежнего впечатления; знаменитых часов не было, по крайней мере никто о них не упоминает; позолота на тереме потускнела, расписные узоры вышек, столбиков и крылец поблекли, кое-что пообвалилось. Обиталищу государя Московии известную величавость придавало ржавое железо решеток, ограждавших окна с тусклым матом их слюды [3], и крутые кровли, по которым время разбросало кустики зелено-рыжего мха.

Убранство внутренних покоев дворца до XVI столетия было самое простое, даже в приемных покоях, где давались аудиенции послам и заезжим с Запада людям, в том числе и Фиораванти. «Аудиенцзала» представляла брусяную избу, голые стены которой были украшены огромными иконами с подвесками из парчи и камки (шелковая цветная ткань с узорами), унизанными золотыми дробницами (металлические бляхи) и угорскими (венгерскими) золотыми пенязями (монетами). В этом достаточно обширном помещении не было почти никакой мебели, если не

[1] Гористый остров Афон у восточного побережья Балканского полуострова с рядом монастырей.

[2] В начале XIV в. сумма значительная, — считая на золото, несколько тысяч рублей.

[3] В окнах дворца и богатых домов вставляли слюду; в окнах домов менее достаточных — промасленную холстину, бычий пузырь.

считать дубового стола, украшенного искусной резьбой, двух-трех скамеек с суконными полавочниками и троновидного кресла. Остальные покои дворца были также незатейливо обставлены. Скромность их обстановки несколько сглаживали изразцовые, муравленные печи, стены, обитые сукном, ковер на полу, скатерти на столах, неизбежные богато убранные иконы.

Материал, способ построения и расположение старорусских жилищ, от княжеских хором до зажиточных домов, в главных чертах были одинаковы. Основою древнего русского жилища была клеть — связь бревен на четыре угла — строение, уцелевшее в своей первоначальной простоте и поныне. Строилась клеть из материала, зачастую недостаточно просушенного, чем сам собою определялся и способ складывания стен — *горизонтальный*. При таком способе бревна надавливают друг на друга и, усыхая, не оставляют щелей. Бревна, связанные в четырехугольник (реже в другую форму), образовывали *венец*, а несколько венцов, положенных друг на друга, — *сруб* или стопу. Сруб проконопачивался мхом или, если строители побогаче, куделью. Прорезывались двери и окна, накладывался пол на поперечных балках, устраивалась *поволока* (потолок), крыша на два (древнейший вид) или на четыре ската [1], и сруб представлял уже клеть. Отапливаемая клеть называлась истопкою, истьбою, а отсюда — *избою*. Для предохранения сруба от загнивания его часто ставили

[1] Это относится к простым постройкам, так как были и другие виды кровель: «Роскошные деревянные стройки нашего прошлого знали и другие покрытия: колпаком — в виде пирамиды; бочкой с пучиной — в виде коробового свода с острым вверху ребром; кубом — в виде сомкнутого свода с вытянутой посредине вершиной» (*А. И. Некрасов*, Русское народное искусство).

на пеньки с обрубленными корнями, откуда и явилось выражение «избушка на курьих ножках». При отсутствии же такого «фундамента» сруб нижним венцом ложился прямо на землю. Нижний ярус постройки — подклет — служил кладовой, помещением для мелкого скота, редко—жильем. Так образовывались в старорусской постройке два (по тогдашней терминологии) житья: нижний — подклет и верхний — горница или *верх*. Обычно холодная клеть и теплая изба ставились рядом, но под общею кровлею, промежуток же между ними назывался *сенями*.

В более обширном и богатом хозяйстве основное жилье увеличивалось и состояло не из одного сруба, а из нескольких (*двойни, тройни, четверни*), связанных в одно целое посредством сеней, крылец, лестниц и всевозможных *переходов*. Характерной подробностью такого устройства было то, что избы и клети, ставившиеся по две, по три в одной связи, располагались в то же время отдельными группами, совокупность которых обозначалась собирательным именем «хоромы» [1]. Можно полагать, что одной из главных причин такого способа строения было желание дать возможность наследникам удобнее разделиться по смерти владельца и в случае надобности облегчить перенос доставшейся постройки на новое место.

Учитывая простоту инструмента, неприменение железных гвоздей и скреп, а также сырой иногда строительный материал, надо признать, что постройки возводились умело и прочно. Французский моряк Жан Соваж из Диеппа, осматривавший в 1586 г. острог (крепостцу) Архангель-

[1] Под *хоромами* понималась исключительно большая деревянная жилая постройка; под *палатами* (итальянское палаццо) — только каменная.

ска, пишет: «Он составляет замок, сооруженный из бревен, заостренных и перекрестных; постройка его из бревен превосходна; нет ни гвоздей, ни крючков; все так хорошо отделано, что нечего похулить, хотя у русских строителей все орудия состоят в одних топорах; но ни один архитектор не сделает лучше» («Русский вестник», 1841, т. I). Прочность достигалась плотным складыванием брусьев, скреплением посредством зубцов в нижнем и зарубок или выемок в верхнем брусе; если бревна вставляли в зарубки, это называлось рубкой «в обло»; когда же бревна соединяли через внутренний выруб в концах их, способ складывания сруба назывался «в зуб» и «в лапу» [1].

Старинные *городники* или горододельцы (мастера-строители) и древоделы или *рубленики* (плотники), работавшие артелями и славившиеся еще с XI столетия, действительно отличались большим искусством в работе как в отношении возведения построек, так и «наряда», т. е. украшения, их. Мастера-плотники при отделке жилых строений любили щеголять разными столбиками, узорами и затейливыми фигурами на очельях (фронтоны), крышах, дверях. Работа этих украшений (достигших своей изощренности в XVII в.) подчас была, несмотря на крайнюю примитивность инструментов, виртуозна. Характерным из дошедших до нас памятников подобной резьбы является деревянное «царское место» в Успенском соборе, устроенное в середине XVI столетия.

Таково было в общих чертах деревянное зодчество старой Руси. В течение ряда столетий оно абсолютно прева-

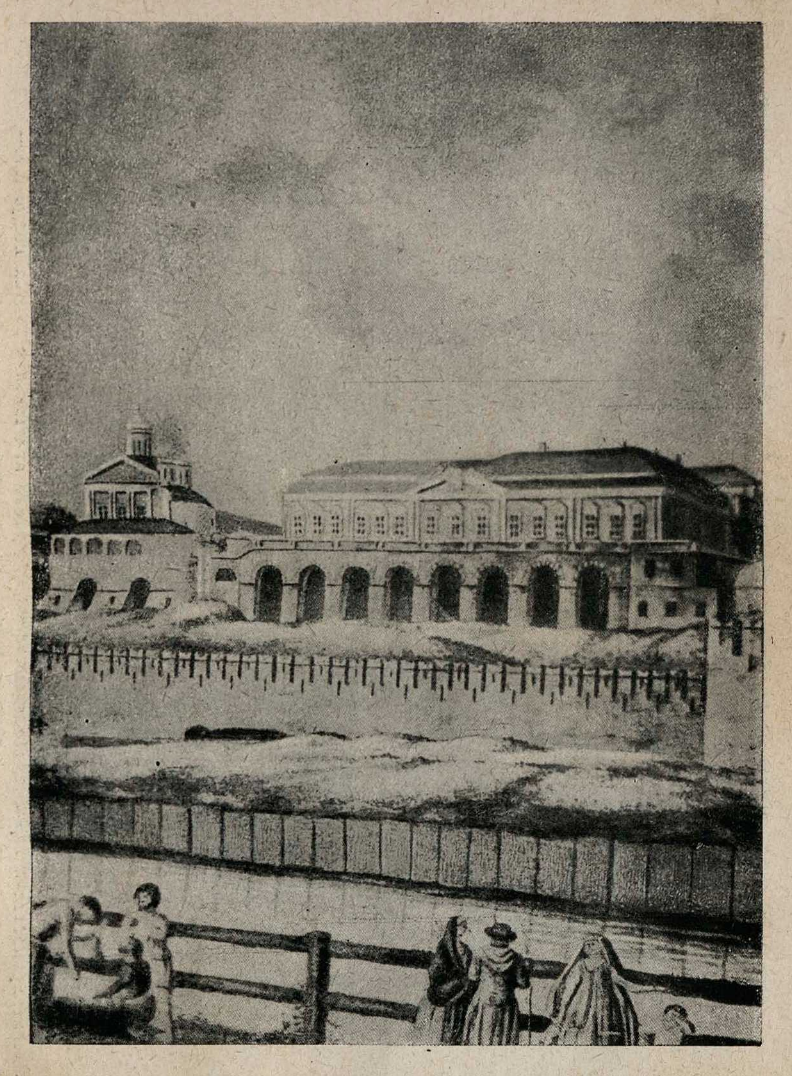
[1] Третий способ — *рубка в угол* (под тупым углом), представлявший значительную трудность, употреблялся при рубке восьмигранных объемов и применялся обычно при построении церквей.

лировало над каменным и несомненно оказало на него определенное воздействие. Северо-восточная Русь была по преимуществу «лесной землей»; лесных материалов для всякого рода строительства было сколько угодно, и по своей дешевизне они долго не позволяли появляться каменному строительству. К дешевизне леса присоединялись еще легкость и скорость возведения из него построек. В Москве до первой четверти XVIII столетия существовал «Скородом» — часть города, рынок готовых срубов для различных построек.

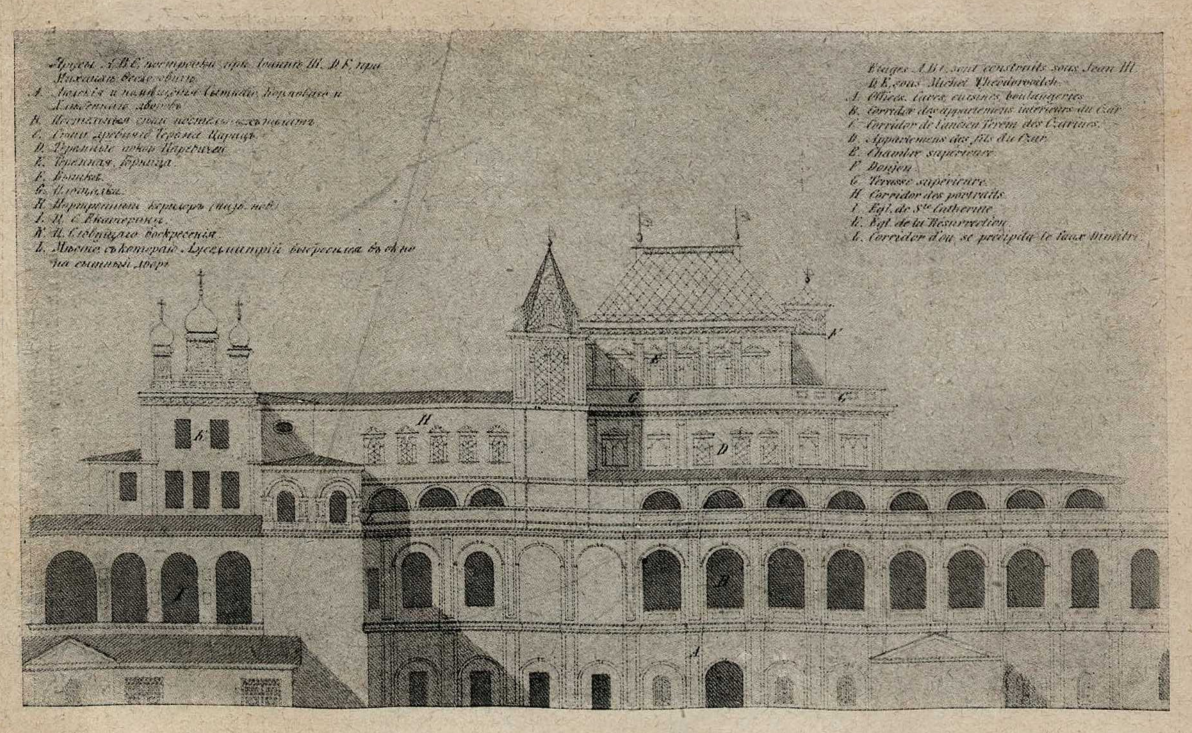
Несмотря на чудовищные пожары, уничтожавшие целые города в несколько часов[1], кирпичное производство не прививалось до тех пор, пока не стал ощутительно дорожать лесной материал. Но исконная привязанность русских к деревянному жилью, считавшемуся не только удобнее, но и здоровее каменного, была сильна; даже в XVII столетии царь, выстроив каменный теремный дворец, продолжал жить в тесноватых деревянных хоромах. Вполне естественно поэтому, что первое обязательное постановление о каменных строениях в России относится лишь к концу XVII столетия. Только в 1681 г. было приказано в Кремле, Китай-городе и Белом городе строить исключительно каменные здания, а малоимущие хозяева должны были обязательно возводить вокруг владений каменные ограды.

Вследствие этого плотничное дело из простейшего мастерства превращалось в сложное строительное искусство, созидавшее городовые стены с башнями, огромные храмы, как церковь Успения о двадцати стенах в Устюге Великом,

[1] Деревянная допетровская Русь сгорала до тла на круг каждые пятьдесят лет.

Дворец в Кремле, построенный в половине XVIII столетия итальянским архитектором Растрелли на подклете с аркадами, оставшимися от дворца, сооруженного итальянцами в конце XV, столетия. С гравюры Кампорези (XVIII столетия)

Здание кремлевских теремов, возведенное на постройке итальянских зодчих конца XV— первых годов XVI столетия

и большие дворцы, как Коломенский под Москвою — верх старомосковского деревянного зодчества, почитавшийся у современников «осьмым чудом света».

Однако художественность плотничьей техники развертывалась преимущественно при «обряженьи» (отделке) храмов и хором богачей; обывательские же дома были просты, однообразны и подслеповаты.

Первое каменное сооружение в Москве возводится в 1272 г., спустя 125 лет после первого о Москве известия. Это был Спасский храм, построенный на месте деревянной церкви того же названия в Даниловском монастыре. Хотя во время постройки храма монастырь фактически находился еще вне Москвы, все-таки храм можно считать первым городским каменным сооружением, так как монастырь вошел в городскую черту.

Прошло полстолетия, и в Москве был воздвигнут (1326) следующий каменный храм — Успенский собор. Это обстоятельство бесспорно свидетельствует, что добыча и употребление каменного стройматериала в Москве стояло на таком низком уровне, что даже мастеров приходилось вызывать из других городов.

Но с момента постройки Успенского собора каменное, исключительно церковное строительство в Москве начало развиваться: в 1329 г. строятся сразу три каменные церкви; в 1333 г. заканчивается постройка в Кремле церкви так называемой «Михаила Архангела».

Если учесть постройку кремлевских стен из колоссальных дубов, общее расширение кремлевской площади и постройку пяти каменных храмов, можно сказать, что строительная деятельность Ивана Калиты напоминает, хотя в меньшем масштабе, строительную деятельность Ивана III,

которую он полтораста лет спустя проявил при помощи фряжских муролей и различных техников. И в том и в другом случае эта деятельность была вызвана, а успех ее обеспечен экономическим прогрессом Москвы.

Обстоятельство, что каменное строительство в Москве началось именно с церквей, не следует считать признаком особого «благочестия»; здесь несомненно руководили и менее «возвышенные» мотивы. Каменные храмы с их сводчатыми подвалами являлись более надежными, нежели деревянные церкви, местами хранения разного рода ценных предметов (в частности летописей и рукописных книг). Туда укрывались семьи богачей во время вражеского приступа, обычно сопровождавшегося пожаром; в отдельных случаях церковный подклет служил складом для товаров, хотя развитие этого типа относится к более позднему времени. В качестве примера можно указать на церковь «Грузинской богоматери», построенную в 1628 г. купцом Никитниковым в одном из проулков на Варварке.

После Калиты в отношении каменных построек наступает в Москве перерыв на четверть столетия. В 1360 г. воздвигается в Андроньевском монастыре каменная церковь; после — такая же в Чудовом кремлевском монастыре. В это же десятилетие были сооружены первые каменные стены Кремля. Затем опять наступает затишье на четверть с лишним столетия, до 1393 г. В этом году построена церковь «Рождества богородицы», а в 1497 г. воздвигнут каменный Благовещенский собор. Несколько лет спустя закладывается каменная соборная церковь в кремлевском Вознесенском монастыре.

Затем опять наступает перерыв почти на полстолетия, когда в связи с междукняжеской усобицей строительная

деятельность в Кремле замирает. Только под 1451 г. летописи упоминают о постройке каменной церкви «Положения риз», а еще через десять лет — «Рождества Иоанна Предтечи» [1].

Таким образом за триста лет, считая от момента заложения Владимиром Долгоруким Москвы-города (1156) до построения последней церкви «Предтечи» (1461), в Москве кроме каменных кремлевских стен была выстроена всего дюжина каменных зданий культового назначения и ни одного правительственного. Однако возможно, что, несмотря на неблагоприятные условия, отдельные купцы в Москве имели каменные строения, но эти единичные случаи не меняли общей картины строительства до второй половины XV столетия. Разбогатевшая и окрепнувшая Москва требовала каменных зданий, более красивых, прочных и огнеупорных, чем деревянные. Спрос вызывал предложение, и в Москве, помимо мастеров, приглашаемых из других городов, работали и свои, особенно во второй половине XV столетия. Но об их деятельности и о них самих нам мало что известно, исключая Василия Дмитриевича Ермолина [2], исполнившего целый ряд ответственных работ

[1] Эта церковь, неоднократно перестраиваемая, в 40-х годах XIX в., при постройке Большого кремлевского дворца, была разобрана, так как, по мнению Николая I, портила вид на новый дворец. Когда церковь разобрали, оказалось, что вид стал еще непригляднее, в связи с чем между дворцовыми зданиями устроили в качестве фасада чугунную решетку с двумя воротами.

[2] Специально о нем см. у *Н. Соболева*, Русский зодчий XV века В. Д. Ермолин («Старая Москва», вып. 2), у *Ю. Олсуфьева* (три доклада по изучению памятников искусства в б. Троице-Сергиевой лавре, 1927); попутно о Ермолине имеется у *Забелина* (История города Москвы), у *А. Некрасова* (Возникновение московского искусства), у *Н. Воронина* (Очерки по истории русского зодчества в XVI—XVII вв.).

как в самой Москве, так и вне ее. Исторические источники именуют Ермолина, деятельность которого не вполне освещена, *предстателем*, т. е. «нарядчиком» или заведующим постройкой. Н. Воронин в своей работе определяет старорусское предстательство так: «Предстательство есть попытка московского купечества выправить и подтянуть строительное производство к потребностям текущего момента, причем «предстатель» кроме материальных гарантий, обязывавших его, может быть, оказывал значительное воздействие и на чисто архитектурную сторону, регламентируя оформление возводимых зданий. В основном же функции «предстателя» были повидимому сосредоточены именно на организации денежно-материальной отчетности и ответственности по постройке, что и привлекло к этой деятельности именно московских тузов. Термин «предстатель» можно понимать буквально как «представитель» или «заместитель»... Этот представитель был облечен доверием также и со стороны правительства».

Относительно Ермолина думается, что он был не только заведующим строительными работами, но в значительной мере и зодчим.

Происходя из Белоруссии, где на каменном строительстве он мог познакомиться с техникой и приемами зарубежной архитектуры, Ермолин успешно возглавлял в Москве целую группу мастеров и, работая совсем по-новому, несомненно воздействовал на архитектурную сторону возводимых им зданий. Кроме того Ермолину принадлежат две чисто художественные работы — декоративные барельефы из белого камня. Таким образом нельзя считать Ермолина только предстателем в узком значении этого слова, какими были, например, конкуренты Ермолина —

отец и сын Ховрины, великокняжеские казначеи, предстательствовавшие при постройке русскими мастерами Успенского собора (1471 — 1474) — постройке, кончившейся грандиозным провалом.

Первые сведения о работах Ермолина относятся к 1462 г. В уме Ивана III возможно бродила мысль о необходимости обширных каменных построек в Кремле. В общем Ермолин построил: из белого камня Спасскую башню; возобновил кремлевскую стену от Боровицких ворот к Свибловой башне; украсил двумя барельефами из белого же камня Фроловские ворота; капитально реставрировал и достроил каменную соборную церковь в Вознесенском монастыре. Несколько лет Ермолин работал вне Москвы: в Троице-Сергиевой лавре поставил каменную трапезную, во Владимире на Клязьме обновил две каменных церкви, а в Юрьеве-Польском возобновил собор — памятник старорусского каменного зодчества. Кстати надо сказать, что, построенный еще в XII столетии, храм снизу доверху покрыт так называемыми обронными украшениями, узорами, резаными по камню, необычайно оригинальными как по замыслу, так и по беспорядку их размещения. Последнее долго вызывало недоумения. Дело в том, что первоначально построенный собор через 78 лет, в 1230 г., настолько пострадал от землетрясения, что был разобран и возобновлен, но, просуществовав почти два с половиною столетия, развалился вместе с придельным храмом. Возобновление его и было поручено Ермолину самим Иваном III. Очевидно, когда были сведены своды, Ермолин уехал в Москву, желая участвовать в постройке нового Успенского храма, а оставшиеся без руководства рабочие перепутали плиты с резьбой и часть их даже оставили не-

использованными. Собор снаружи получил несколько загадочный вид в смысле расположения его украшений. В отношении же прочности он перестроен безукоризненно и стоит уже четыре с половиной столетия.

От деятельности Ермолина остался еще один памятник, так называемая Ермолинская летопись. Оказавшись с 1472 г. не у дел, Ермолин, человек книжный, интересовавшийся историческими и текущими событиями, обратился к литературе. Была составлена специальная летопись, носящая его имя и содержащая между прочим сведения и о его строительной деятельности. Так как основной текст этой летописи доходит до 1481 г., а добавления к ней, сделанные уже другим почерком, относятся к 1485—1488 гг., можно предположить, что Ермолин умер между 1481 и 1485 годами.

Если ко всему сказанному прибавить, что 1471 г. отмечался необычайным событием — построением купцом Таракановым первого в Москве частновладельческого каменного жилья (внутри Кремля у Фроловских ворот); что главы церкви — митрополиты — также построили в Кремле каменную церковь и палаты, то этим исчерпывается краткий перечень каменных сооружений старой Москвы к моменту приезда в нее Аристотеля Фиораванти. Все они были наперечет, тонули в море бесчисленных деревянных построек и вместе с заплатанной деревом кремлевской стеной нисколько не изменяли общего деревенского вида столичного города и его крепости. Тогдашняя Москва с ее огромными садами-огородами по существу своей хозяйственной и бытовой обстановки была гигантской деревней, точнее — рядом деревень, стянутых воедино Кремлем, административно-военным центром и торговым посадом,

будущим Китай-городом — центральным рынком столицы и всей московской округи. В то же время Москва испытывала, вопреки своим косным архитектурным навыкам, настоятельную необходимость превратиться — и ради безопасности и ради представительности — в каменный город.

Но своими силами она не была в состоянии справиться с этим. Задачу разрешили, правда лишь в отношении Кремля, вызванные из-за рубежа иноземные архитекторы, инженеры и мастера-техники. Первым, не только хронологически, оказался болонец Аристотель Фиораванти, которого, по твердому убеждению старомосковских людей, «хитрости (т. е. искусства) его ради зваху Аристотелем».

ГЛАВА ПЯТАЯ

рославленный на родине болонский архитектор был вызван в Москву для сооружения кафедрального собора лишь после окончательного убеждения, что русским мастерам не справиться с этим делом. История этой постройки до приезда Фиораванти вкратце такова. Собор, построенный к 70-м годам XV столетия, грозил обвалом; пришлось своды подпирать. Он не отвечал новым широким притязаниям великокняжеской, митрополичьей и купеческой Москвы, устремившейся к великодержавию и к роли «хранительницы истинного православия».

Особенно хлопотал о постройке в Кремле нового огромного храма митрополит Филипп I, верный соратник князя и ревностный поборник идеи самодержавия Москвы в политическом и церковном отношении. Летопись рассказывает, что со всех попов и монастырей по предписанию

митрополита начали принудительно взимать серебро, а наряду собирались добровольные пожертвования. Московские мастера-каменосечцы Ивашко Кривцов и Мышкин были отправлены для осмотра Успенского собора во Владимире. Подивившись постройке старых мастеров, они по возвращении в Москву заявили, что выстроят храм еще бóльших размеров. Тогда было приказано готовить камень, а чтобы работы шли успешнее, митрополит купил новую партию холопов... Вообще дело поставили на широкую ногу.

Приступив к постройке собора (вокруг старого), прибавили против размеров владимирского полторы сажени в ширину и длину; столько же собирались прибавить и в высоту. Затем выкопали по окладу (плану) рвы и, набив в них сваи, положили каменною кладкою основание будущему зданию. Общее руководство работами было поручено Василию Ермолину и Ивану Голове, но потом Ермолин устранился.

Когда стены были выведены в рост человека, приступили к разборке старого храма. Затем, по приказанию князя, внутри строящихся стен на месте будущего алтаря поставили временную деревянную церковь, в которой Иван III и венчался с приехавшей гречанкой Зоей Палеолог.

Ни очередные пожары, ни смерть митрополита не задержали постройки: к лету следующего 1474 г. она была, по словам летописца, «чудна вельми и превысока зело... возделана уже бе до сводов». Оставалось только ставить среднюю главу, как вдруг 20 мая 1474 г. все здание с грохотом развалилось...

Летопись, отмечая, что в этот день в Москве был *трус*, т. е. землетрясение, повидимому хочет сказать, что оно

явилось причиною страшной катастрофы. В действительности главная причина скрывалась в технических ошибках на постройке, в низком уровне современного каменного строительства во всей Московской области. По стародавнему методу, заимствованному от зодчих Суздальщины, камни притесывали и клали их в перевязку только по лицу стен (наружному и внутреннему), середину же забучивали мелким камнем и заливали известью. При таком способе кладки важнейшим фактором был раствор извести, который в зданиях древней работы (XII—XIII вв.) по крепости был не хуже нынешнего бетона [1]. Но в XV столетии изготовление такой извести было уже основательно забыто, как были позабыты и другие традиции владимиро-суздальской архитектуры. Вследствие этого возводимые церкви рушились сами собою не только в Москве, но и в других городах, притом далеко не такие огромные, как затеянная митрополитом. К этой основной причине присоединяется и вторая: в толще северной стены устроили лестницу, проходившую отчасти также и в западной, к полатям (хорам). Пустотелая стена не выдержала тяжести массивных сводов и разрушила все здание.

Таковы были результаты попытки великодержавной Москвы при помощи своих мастеров воздвигнуть храм, который своими размерами и красотой должен был превзойти создание старых владимиро-суздальских мастеров.

Вполне допустимо, что Василий Ермолин на основании каких-то своих соображений предвидел возможность такого печального исхода постройки и благоразумно предпочел во-время отказаться от предстательства. Летопись сообщает, что между ним и Иваном Головою произошла

[1] Раствор этот придавал стенам монолитность.

пря (спор); очевидно дело касалось очень важных подробностей предстоявших работ.

Иван III, уже не рассчитывая на московских мастеров, вызвал псковичей, которые благодаря близости к Западу уже издавна «навыкли каменосечной хитрости». Псковичи, осмотрев развалины, похвалили гладость работы москвичей, но раскритиковали известь, как творенную недостаточно густо и с песком. Однако от постройки собора отказались. Тогда Семену Толбузину, ехавшему с дипломатическим поручением к «веницийскому дуке», было наказано привезти первостатейного архитектора.

Аристотель Фиораванти, несмотря на утомительное трехмесячное путешествие и свой возраст, в ближайшие же дни подробно обследовал остатки разрушенного строения. Подобно псковичам он похвалил гладость уцелевших стен, но тоже очень отрицательно отнесся к строительному материалу; про известь сказал, что она не клеевита, а камень недостаточно тверд, заметил, что строить надо из приготовленного должным образом кирпича. Предложение использовать остатки сооружения местных мастеров категорически отверг и начал разбивать остатки стен с помощью следующего приспособления: были поставлены треугольником три бревна, наверху соединенных вместе, между ними повесили тяжелый дубовый брус, с одного конца окованный железом; раскачивая этот таран, разбивали стены. Другие стены Фиораванти, подпирая бревнами, разбирал снизу, потом зажигал бревна, и стены валились. Работа шла с непостижимой для москвичей быстротой, и рабочие едва успевали убирать мусор. Летописец восклицает: «Еже три года делали, во едину неделю и меньше развали».

Создалось впечатление, что от прежнего не осталось и камня на камне. Однако, вопреки такому долго державшемуся мнению, на самом деле часть древнейшего здания («Похвальский» придел и часть стен средней и северной абсид) уцелела и вошла в состав нового собора, сооруженного Фиораванти[1]. Это выяснилось при последней реставрации собора перед империалистической войной. Под штукатуркой были обнаружены фрески, принадлежавшие эпохе, более ранней, чем время Фиораванти. Но эта подробность, разумеется, не меняет положения, что существующий Успенский собор заново построен Аристотелем Фиораванти.

Перед строительством Фиораванти занялся сооружением кирпичного завода, обучением туземцев производству хорошего кирпича. Печь для обжига была построена на нынешнем Калитниковском кладбище. Кирпич изготовлялся продолговатее московского[2] и выходил настолько твердым, что его в случае надобности ломать предварительно размачивали в воде. Известь, по сообщению летописи, Фиораванти приказал «густо мотыгами мешати; яко наутрие засохнет, то ножом не можно расколупати».

В июне 1475 г. приступили к рытью фундаментных рвов. Фиораванти работу повел самостоятельно, «нача делати по своей хитрости, не яко же делаша московские мастеры, а делаша наши мастеры *по его указу*». Рвы были глубиною в две сажени, местами глубже, а в дно набили дубовых свай. «На первое лето, — повествует летопись,— изведе церковь Аристотель из земли», т. е. были сделаны

[1] Подробно об этом см. у *А. И. Некрасова* в вышеупомянутой работе, гл. II — «Успенский собор».
[2] Размер 6,5 × 2,5 × 1,5 вершка.

фундаменты и заложены четыре круглых[1] подкупольных столпа, а в алтаре — два, по-старому квадратных, из кирпича. По словам летописи, все делалось *в кружало*, т. е. по циркулю, и в *правило*, т. е. по линейке. Очевидно после этих работ, оставив постройку под наблюдением сына Андрея и ученика Петра, он совершил поездку во Владимир на Клязьме: Фиораванти, как и московским мастерам, было предписано взять за образец владимирский храм (время сооружения 1158 — 1161), издавна прославленный летописями. Осмотрев этот храм, по его мнению — работу итальянских зодчих,—Фиораванти ознакомился и с другими окрестными памятниками древнерусского каменного зодчества, после чего направился в путешествие на крайний север.

[1] Закладывая эти круглые столпы (романская архаизирующая черта у Фиораванти, так же как и *крещатые своды*), необходимость их строитель мотивировал прочностью. В действительности же он руководствовался соображениями красоты, но по этим соображениям в Москве могли и не допустить сразу такого новшества, эстетическое достоинство которого потом вполне оценили.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

архиве города Милана был найден подлинник письма Фиораванти к миланскому герцогу Галеаццо Мария. Фиораванти рассказывает о своей поездке на южное побережье «Гиперборейского океана», столь мрачно изображенного в средневековых космографиях. В русских летописях и в сообщениях современников об этом путешествии ничего не упоминается; в итальянской же литературе о нем стало известно только в прошлом столетии из брошюры Гуаланди. Фиораванти писал:

«Светлейшему князю и превосходительному господину моему, которому, где бы я ни был, желаю служить всячески. Находясь снова в великом государстве, в городе славнейшем, богатейшем и торговом, я выехал на 1500 миль далее, до города, именуемого Ксалауоко, в расстоянии 5000 миль от Италии, с единой целью — достать кре-

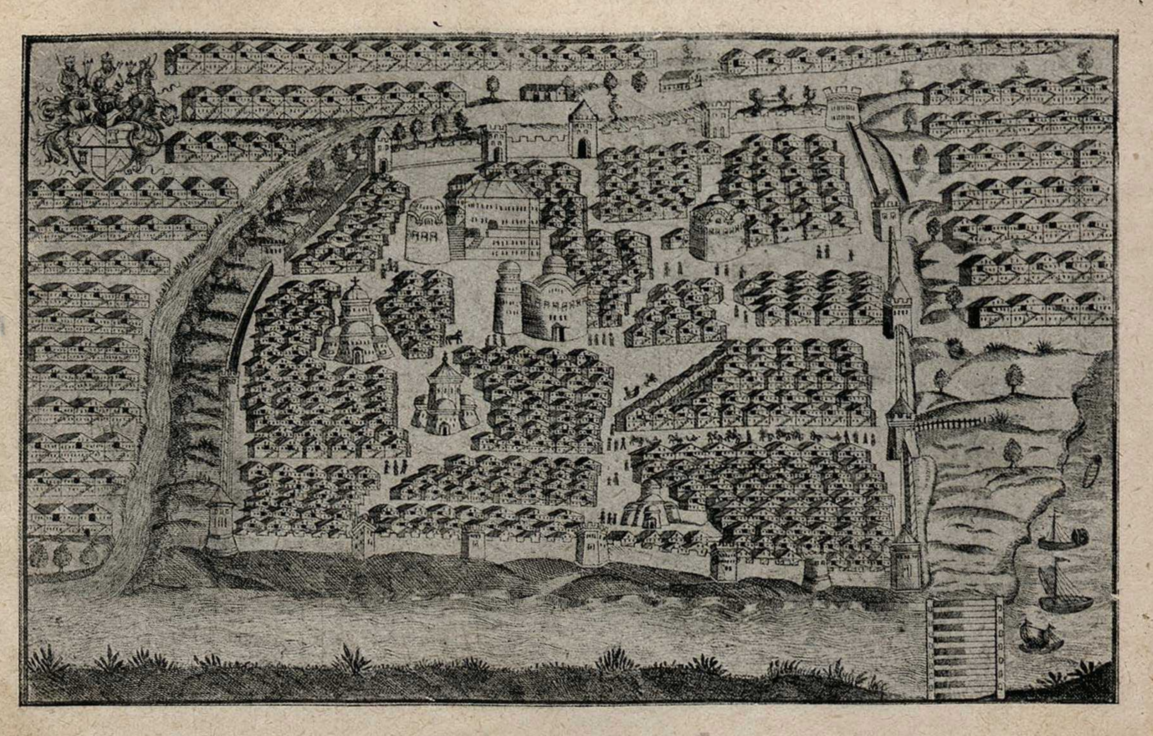
четов. Но в этой стране путь верхом на лошади весьма медлителен, и я прибыл туда слишком поздно и не мог уже достать белых кречетов, как того желал, но через несколько времени они у меня будут, белые, как горностаи, сильные и смелые. Покамест через подателя этого письма, моего сына, посылаю тебе, светлейший князь, двух добрых кречетов, из которых один еще молод, и оба хорошей породы, а через немного линяний они станут белыми. Если твоей светлости угодно иметь великолепных соболей, горностаев и медведей, живых или убитых, могу тебе их достать, сколько ни пожелаешь, ибо здесь родятся и медведи и зайцы белые, как горностаи. Когда я отправляюсь охотиться на таких зверей, между ними есть такие, которые от страха бегут к океану и прячутся под водой 15—20 дней, живя там подобно рыбам. В средине лета в продолжение двух с половиной месяцев солнце вовсе не заходит, и когда оно в полночь на самой низкой точке, то оно так же высоко, как у нас в 23 часа ночи. Время коротко, коротко, и я не могу рассказать тебе многого (а также всегда об истинах, носящих личину лжи, лучше крепко сомкнуть уста, чтобы избегнуть безвинного позора). Я всегда бодр и готов исполнить дело, достойное твоей славы, почтительнейше себя ей поручая. Дано в Москве 22 февраля 1476. Твой слуга и раб Аристотель, архитектор из Болоньи, подписался».

Письмо дает возможность установить, где именно на севере побывал один из культуртрегеров эпохи Возрождения. 1500 старинных итальянских миль равны 3000 км; город «Ксалауоко» — не что иное, как искаженное название *Соловков;* сообщение о моржах и белых медведях, наконец отмеченная высота полуночного солнца, примерно

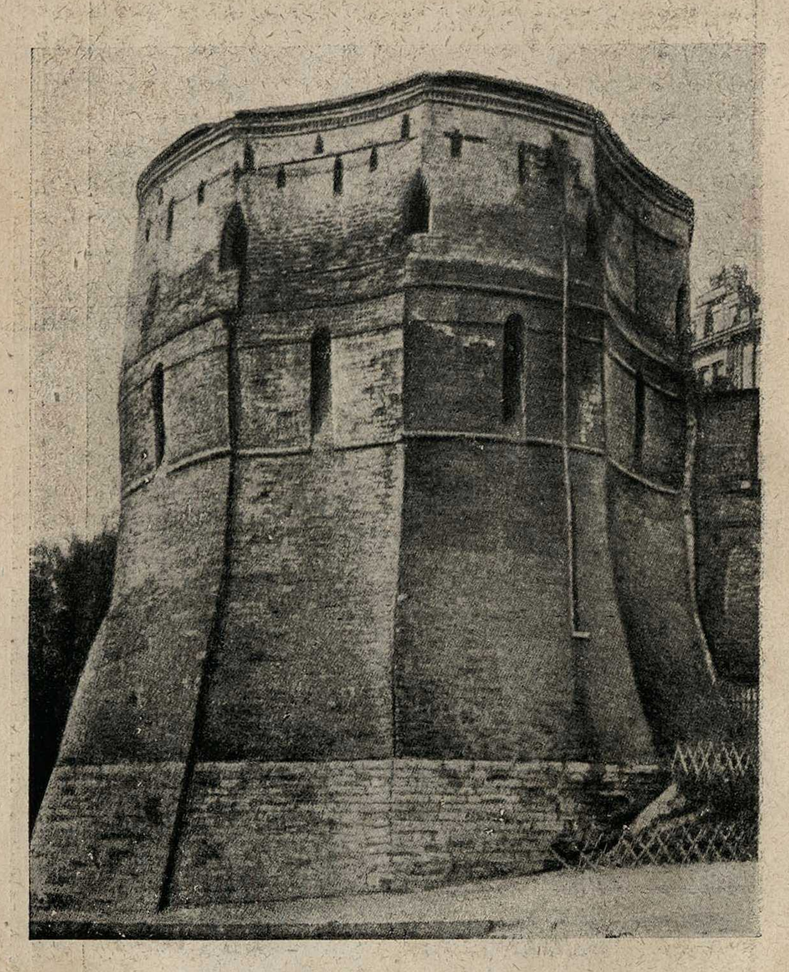
69° северной широты, говорят не только о побережьи Белого моря, но даже о Мурманском береге, где уже существовало небольшое поселение Кола.

По дороге на север, кроме каменных храмов Ростова и Ярославля, Фиораванти мог видеть целый ряд своеобразных образцов деревянного строительства лесного края. В Поморье в те времена ничего еще не строили из камня: жилые дома, острожки, церкви, монастырские стены и башни — деревянные. В Устюге Великом Фиораванти мог видеть знаменитую двадцатистенную «Успенскую» церковь. Несмотря на крайне малую населенность мест, по которым проезжал Фиораванти, он все же, встречая образцы деревянного зодчества, составил достаточно полные данные об архитектуре Московии.

Шестидесятилетний Аристотель Фиораванти, по профессии и призванию первоклассный архитектор-художник, безусловно обладал также и жилкой путешественника-открывателя. Согласившись поехать на службу в Московию, страну всевозможных диковин, он не остановился перед непосредственными трудностями путешествия и на далекий север; долгими неделями и месяцами пробирался через реки и девственные дебри, частью на лодке, главным же образом на лошади, под постоянным риском нападения хищных зверей. Англичанин Дженкинсон, путешественник более позднего времени (вторая половина XVI столетия), когда эти места стали несравненно населеннее, сообщает, что при плавании по С. Двине от Холмогор (на Белом море) до Вологды ему не пришлось побывать ни в одной избе; он со своими спутниками останавливался на ночлег на берегу реки, под открытым небом, питаясь припасами, взятыми с собою. Дженкинсон рекомендовал

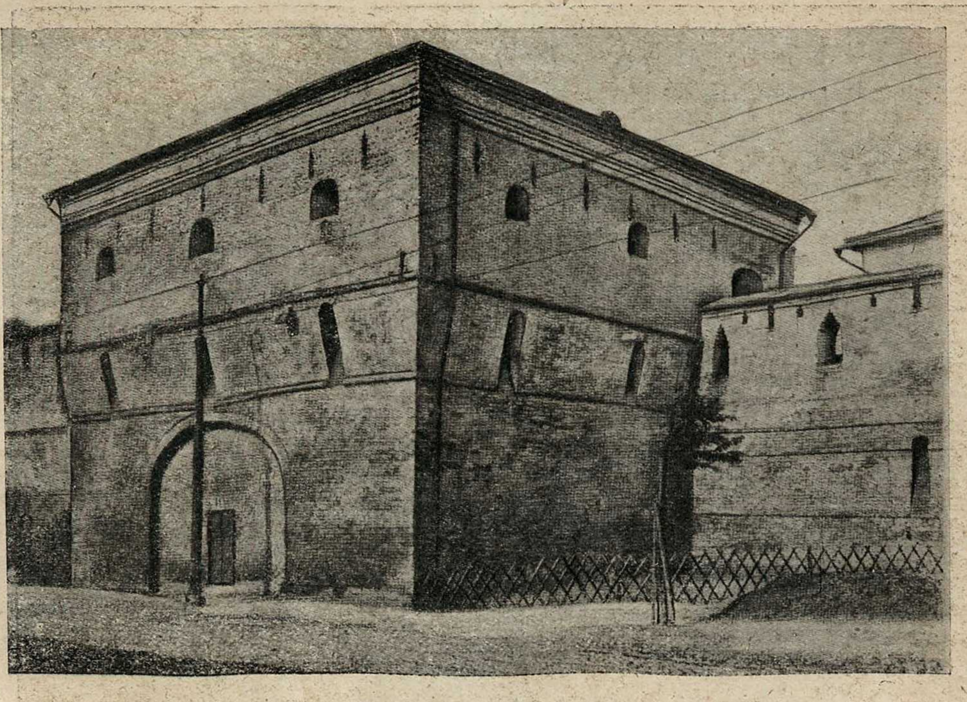
Первый план Кремля (условный), дающий достаточно верное представление о первоначальном характере кремлевских стен и башен. Так называемый «Герберштейновский чертеж Москвы»

Китайгородская башня

Устье тайника башни Китай-города

Китайгородская башня

посещающим северные трущобы непременно иметь при себе топор, огниво с трутом, котел и достаточно пищи, так как этого не достать в пути. Во времена Фиораванти поездка по Поморью, разумеется, была еще сложнее, но это не могло остановить его. Риск опасной экспедиции в одиночку, только с одним проводником-переводчиком, мог окупиться сторицею новыми и ценными открытиями.

На деле все оказалось проще и не соответствовало баснословиям космографий, с которыми Фиораванти, разумеется, был знаком. Он испытал известное разочарование, хотя повидал немало «чудесного» вроде незахождения солнца вместо ожидаемого вечного «гиперборейского мрака» и зноя северного лета вместо вечных льдов и снега.

Это шло вразрез с рóсказнями космографий, но Фиораванти в своем коротком письме не опровергает показаний этих еще общепризнанных авторитетов. Контраст между действительностью и небылицами космографий был настолько велик, что Фиораванти мог быть даже заподозрен во лжи.

После викингов, скандинавских купцов-пиратов, открывших в конце IX столетия Биармию [1] и поддерживавших с нею сношения еще в начале XIII столетия, Аристотель Фиораванти был первым и пока единственным известным из всего средневековья европейским путешественником, посетившим Поморье. В свое время путешествие осталось совершенно незамеченным и стало известным лишь через

[1] *Биармия* или *Биармаланд* (береговая страна) — скандинавское название древнего финского царства, в пределы которого входила Пермская область и земли от Северной Двины до Урала. Некоторые исследователи в русском названии *Перми* видят искаженную Биармию.

четыреста лет и то в узком кругу; поэтому вся честь «открытия» нашего Поморья и бывшей Биармии выпала на долю англичан, установивших в середине XVI столетия новый, морской путь в Московию через Ледовитый океан и Белое море.

Можно предположить, что обратный путь из Поморья в Москву Фиораванти совершил озерной дорогой, через дебри Повенца и Олонецкого края на Старую Ладогу с ее древними храмами XII века. В таком случае он должен был заехать и в Новгород Великий — познакомиться с замечательными новгородскими храмами.

Работы по постройке московского собора, раз налаженные, шли быстрым темпом, и в течение лета 1476 г. стены собора были выведены по киоты, снаружи сделанные в виде пояса из колонок, соединенных перемычками. Для достижения большей прочности стен в них были заложены железные всуцепы (связи), а для предотвращения распора сводов вместо обычных дубовых брусьев тоже применили железные кованые связи со штырями (веретена).

На третье лето (1477) здание вывели до подсводной части. Камень и кирпич на эту высоту уже не стали носить, как прежде, на плечах: «хитроумный Аристотель» устроил большое колесо с малыми колесцами — приспособление, которое русские плотники называли *векшею*. Этою лебедкою все тяжести при помощи веревок подавали на верх постройки. Удивительным казалось также, что Фиораванти на внутренние столбы храма положил по четыре «великих камня» и, соединив кружало (свод), вытесал на этих камнях скульптурные украшения. Это были капители столбов, не сохранившиеся до нашего времени и имев-

шие явно романский характер с несколько византийским пошибом, как у св. Марка в Венеции.

На четвертое лето монументальное сооружение вчерне было готово. Кроме большой средней главы его увенчивали еще четыре меньшие маковицы. Около центральной главы Фиораванти устроил особое помещение — тайник; устройство такого совершенно необычного помещения было продиктовано следующим: «Фиораванти устроил все компартименты[1] собора одинаковыми, между тем традиция требовала, чтобы средняя глава имела более широкий барабан. Расширить ее за счет толщины стен было рискованно вследствие слишком большой нагрузки. Фиораванти вышел из затруднения тем, что нижнее жерло барабана уравнял с покрываемым пролетом, а на некоторой высоте раздвинул стенки барабана; но и образовавшееся внизу барабана толстое кольцо он для облегчения сделал полым, проделав в него квадратный тесный лаз» (*А. Некрасов,* Возникновение московского искусства). Местоположение и устройство этого тайника лишний раз подчеркивает техническую изобретательность болонского зодчего.

Своды собора Фиораванти свел для легкости в один кирпич, так что до покрытия их железом через них в дождливое время просачивалась вода. Помост (пол) он устроил мозаичный, красиво вымостив его мелким камнем, а перед западными (входными) дверьми построил, как нововведение, открытую террасу, так называемую *лоджу*, с двойными висячими арками — очень распространенный прием итальянского зодчества. Ее каменный свод (опять к вящшему изумлению туземцев) он свел в один

[1] *Компартимент* — одно деление из сочетания нескольких.

кирпич, подвесив середку на железной гире. Этот прием постройки крылец пришелся весьма по вкусу местным зодчим, и такие крыльца с двойною аркою и подвеской в середине особенно распространились в русской архитектуре XVII столетия. Сделал было Фиораванти еще одно нововведение: в алтаре за престолом над горним митрополичьим местом высек «лятский крыж» (католический крест), но Москва конца XV века не могла, разумеется, потерпеть подобного латинства, и митрополит приказал стесать это еретическое украшение [1]. Устройство кровли было поручено новгородским мастерам; они покрыли здание сперва деревом, а поверх него белым заграничным железом.

Летом 1479 г. вся постройка собора была вполне закончена. Грандиозный и величественный московский храм Фиораванти безусловно затмил собою кафедральный собор Владимира, поставленный ему за образец. В столице Московии умением и талантами болонского зодчего воздвиглось наконец сооружение, достойное украсить собою настоящий Рим, Венецию, Константинополь. Иван III устроил для высшего духовенства, боярства и вообще приближенных парадный обед и роздал богатые подарки окружным монастырям, монахам, священникам. Летопись передает, что духовенство кремлевских соборов столовалось на дворе великого князя целую неделю. Был вознагражден и сам строитель собора и его непосредствен-

[1] За несколько лет перед этим (при въезде в Москву Софии Палеолог) митрополит Филипп категорически заявил, что если великий князь позволит в благоверной Москве нести крыж перед латинским епископом, сопровождавшим Софию, то епископ-иноверец войдет в одни городские ворота, а он, Филипп, уйдет в другие. Вследствие этого у легата отобрали крест и спрятали в сани.

ные помощники — сын Андрей и архитекторский ученик «паробок Петрушка».

А. И. Некрасов дает следующую общую характеристику сооружения Фиораванти: «Обширный храм представляет собою светлую залу, палаццо, в котором ничем не стесненное пространство свободно облекает четыре круглых столба-колонны, когда-то имевшие фигурные капители. Мерность расстановки столбов и крещатные своды не находят себе подобия в древней русской архитектуре. Этой же мерностью отличается деление тонких стен сильно выступающими пилястрами на равные части с одинаковой их высотой, что определяет горизонтальный момент. Как и следует из общего характера здания, абсиды почти не выступают вперед, не нарушая масс единого «палаццо»... Масса и пространство разрешены здесь совершенно по-итальянски, в характере Ренессанса, и нет ничего удивительного, что сущность здания нигде на Руси более не повторилась, несмотря на многочисленные желания подражать Успенскому собору».

Переходя теперь к плану этого здания и некоторым его деталям, следует заметить, что воздвигнутый собор не является подражанием владимирскому. В соответствии с такой самостоятельностью работы Фиораванти, план московского собора значительно отступает от сложного плана владимирского. Фиораванти ездил во Владимир лишь после того, как уже были закончены фундаментные рвы его постройки. Снося остатки сооружения Кривцова и Мышкина, Фиораванти детально ознакомился с сущностью плана своих предшественников, руководствовавшихся как образцом владимирским планом; составляя свой план, он кое в чем придерживался прежнего. Поэтому известная

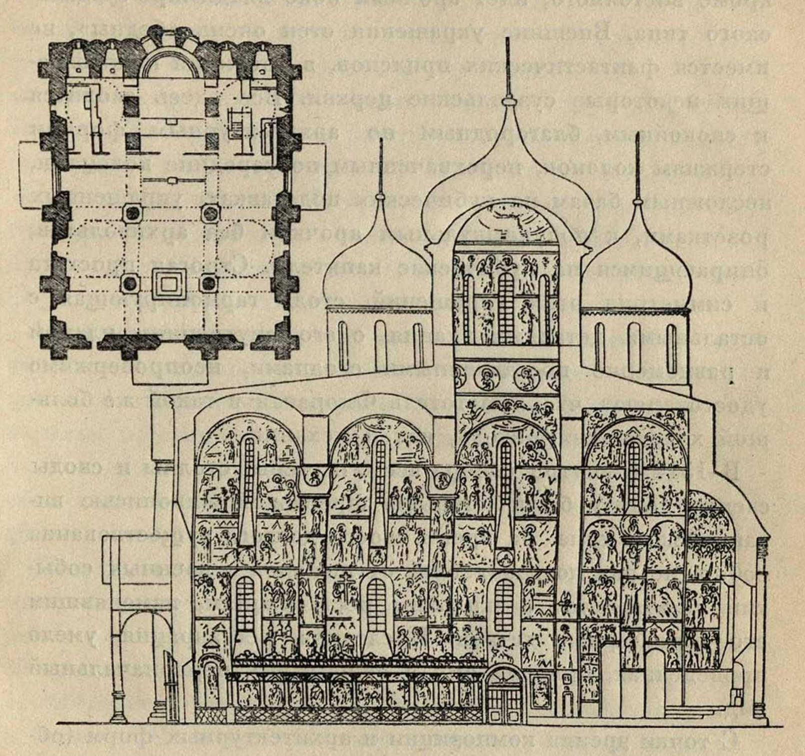
общность основной идеи сооружений существует, но на этом кончается сходство двух зданий.

Фасад собора, построенного Аристотелем Фиораванти в Москве (1475—1479)

Стены собора (из тесаного камня) по сравнению с площадью, занимаемой им, а тем более по сравнению с толстыми стенами церквей, построенных в Москве прежде,

очень тонки. Здесь Фиораванти блеснул своим искусством кладки и приготовлением замечательного раствора

План и разрез собора, построенного Аристотелем Фиораванти в Москве (1475—1479)

извести. С внешней стороны эти стены опираются на высокий полуготический цоколь. Фасады храма, сообразно внутренней его планировке, разделяются на равные части

сильно выступающими пилястрами. Через все фасады, кроме восточного, идет арочный пояс владимиро-суздальского типа. Внешние украшения стен очень «бедны», не имеется фантастических прилепов, в изобилии покрывающих некоторые суздальские церкви. Все здесь сводится к спокойным, благородным по архитектурным формам стержням колонок, перехваченным по середине кольцами, несложным базам на кубических подставках, украшенных розетками, к полуциркульным арочкам без архивольтов, опирающимся на кубические капители. Строгая простота и симметрия этих украшений, столь гармонирующая с остальными деталями здания, с его внутренним планом и равномерно поставленными столпами, неопровержимо удостоверяют, что Аристотель Фиораванти такой же большой художник-строитель, как и механик.

В 1514 г. внутри собора все его стены, столпы и своды сверху донизу были покрыты фресковой живописью византийского типа. За время своего долгого существования собор, не раз пострадавший от пожаров и военных событий, подвергался нескольким реставрациям, изменявшим его характерные детали. Последняя реставрация, умело проведенная, придала ему в общем его первоначальный вид.

С точки зрения композиции и архитектурных форм (обработка фасадов, полуготический цоколь, лоджа, слияние абсид со стенами) постройку Фиораванти обычно определяют как смешанного, так называемого ломбардо-византийского стиля. Это определение не исчерпывает всей сущности сооружения. С формальной стороны сооружение действительно итальянизировано в соответствии с ломбардо-византийским стилем; но также необычайно сво-

бодно, своеобразно и гармонично слиты в нем различные особенности нескольких стилей: романского, византийского, итальянского, владимиро-суздальского и раннего московского [1]. Однако соединение это отнюдь не является механическим; все оно проникнуто блестяще разрешенным стремлением создать нечто новое. В поисках новых пропорций, новых совершенных форм глав, фасадов, порталов, абсид, фризов, Фиораванти смело отклонился от традиционных приемов обычного мастерства и считался с местными требованиями лишь постольку, поскольку они не шли в разрез с его художественным замыслом.

В горниле изумительного творчества итальянского зодчего архитектурное достояние Рима, Византии, Суздальщины, полудикого Поморья и Новгорода Великого органически претворилось в одно художественное целое, совершенно самостоятельное и во всех отношениях полностью отвечающее самым высоким требованиям строительной техники.

Фиораванти, несмотря на его дарования, не в силах был сразу повернуть течение архитектурного искусства старой Руси в новое русло. Но он с непревзойденной энергией положил этому твердое начало, совершенно переродив практиковавшиеся до него на Руси строительные приемы и технику. Он научил местных мастеров хорошо выделывать и обжигать кирпич, приготовлять цементирующий известковый раствор, класть прочные своды, применять металлические связи вместо прежних дубовых.

Таким образом он сообщил им технические знания, без которых никакое искусство, а тем более архитектурное, не

[1] На жгутах порталов и полуколоннах имеются так называемые «бусы» — типичный прием ранней московской архитектуры.

может итти вперед. Старомосковские мастера-зодчие, способность которых к усвоению отмечали все иностранцы, быстро переняли технические методы своего первого иноземного учителя, с тем чтобы разнести приобретенные ими знания и новые навыки по всей стране.

Великолепный в своей строгой простоте храм, созданный Аристотелем Фиораванти в средневековой Москве, служил образцом для многочисленных, впрочем не особенно удачных, подражаний до самого конца XVII столетия, до конца Московской Руси, так удачно вызвавшей к себе из-за моря «муроля-хитродея».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

о окончании постройки собора, осенью 1479 г., болонские власти обратились к Ивану III с просьбой отпустить Аристотеля Фиораванти на родину, мотивировав свою просьбу необходимыми работами Фиораванти и тяжелым положением его семьи. Упоминание о работах подтверждает мнение, высказанное Бельтрами и Гуиндичини, что именно Фиораванти предполагалось поручить перестройку в Болонье дворца дель Подеста̀ и что архитектор, сработавший в 1472 г. новую модель этого здания (давно уже исчезнувшую), действительно был не кто иной, как Фиораванти.

Прошение болонских властей не было удовлетворено, и Фиораванти остался в Москве, где крайне нуждались не только в хороших зодчих: Москве вообще нужны были мастера и техники разных профессий, а в первую очередь розмыслы (инженеры) и литейщики, чтобы улучшить во-

енное дело. Ведущиеся войны все больше переходили из оборонительных в наступательные. Настоятельно требовалось обогатить военную технику, в частности артиллерию.

К моменту приезда Фиораванти артиллерийское дело в Москве имело за собой уже столетнюю давность. Еще во второй половине XIV столетия были привезены из-за рубежа *арматы* — первые железные пушки. С начала XV столетия в Москве начали выделывать порох, и количество орудий иноземной работы значительно возросло. Но этого было недостаточно для Московии с ее широкими военными планами. Издавна имея своих литейщиков, Москва держала среди них также иноземцев, но они занимались «благочестивым» делом: лили колокола, а ей потребовались пушки, эти ultima ratio regis [1].

Аристотель Фиораванти был «такоже и пушечник нарочит». Вообще в старой Москве ни до Фиораванти, ни после него не было такого высокоталантливого разностороннего специалиста в области технических знаний. Его надлежало в полной мере использовать, в соответствии с чем в Москве устроили Пушечный двор. Об устройстве первого пушечнолитейного завода мы имеем очень мало сведений. Он был расположен на берегу реки Неглинной, там, где теперь с Неглинным проездом соединяется Пушечная улица. Рядом устроилась слободка заводских кузнецов, откуда произошло название Кузнецкий мост.

Организатором нового предприятия несомненно был Фиораванти, так как кроме него в Москве в это время никого из иностранных мастеров-пушечников еще не было; они начали приезжать позже. Им же были отлиты и пер-

[1] Т. е. «последний довод короля» — изречение, выгравированное на пушках Фридриха II и ставшее поговоркой.

вые пушки, «пищали затинные, ломовые и завесные». Сколько было отлито орудий, неизвестно, но о размерах их можно судить по одному экземпляру, случайно уцелевшему и хранящемуся в Ленинградском арсенале. Пропорции «пищали» соответствуют пропорциям старых венецианских пушек. Это орудие легкой артиллерии, полевое, предназначенное и для обороны и для наступления, как того и требовал момент: правящей Москве надо было покончить с независимостью Новгорода, стоявшего на узле водных путей, ведших к Балтийскому морю, и уже вредного ей в качестве коммерческого посредника. Это и было осуществлено походом 1477—1478 гг., в котором Фиораванти принимал непосредственное участие как военный инженер и пушечник. Он заведывал артиллерийским обозом и сверх того, когда московское войско стояло у Новгорода, построил через реку Волхов под Городищем временный, но необычайно прочный понтонный мост для переправы. Летописец так рассказывает об этом инженерном сооружении Фиораванти: «Декабря 6 велел князь великий мост чинити (т. е. устроить) на реце Волхове своему мастеру Аристотелю Фрязину, под Городищем; и той мастер учинил таков мост под Городищем на судех на той реце, и донележе (т. е. пока) князь великий, одолев, возвратился к Москве, а мост стоит». Таким образом, помимо постройки огромного собора, Фиораванти был занят инженерным и пушечнолитейным делом, которым продолжал заниматься и после 1479 г. Пушек требовалось много, а настоящих мастеров поначалу был всего лишь один Фиораванти, так что работы у него всегда было по горло.

Таким образом, Фиораванти, не получив разрешения уехать в Италию, продолжал работать на Пушечном дво-

ре, отливая колокола и пушки. С пушками он между прочим в 1482 г., когда замышляли поход на Казань, был послан с воеводами вперед и доходил до Нижнего Новгорода, где повидал и Волгу — «столбовую дорогу» на Восток. В это же время он был занят и другим заданием. В нашей специальной литературе высказано мнение [1], что ввиду отсутствия в то время в Москве других иноземных зодчих Фиораванти после Успенского собора стал строить другие храмы, и что таким образом все церковные постройки за время с 1479 по 1485 г. были возведены или самим Фиораванти или под его руководством. На основании такого взгляда Собко определенно приписывает Фиораванти постройку еще целых семи церквей [2]. Можно допустить, что в сооружении одной или двух из них он действительно принимал известное участие, но в целом приведенное мнение Собко мало согласуется с действительностью.

С гораздо большим основанием можно предположить нечто другое. Постройка Успенского собора была лишь первым шагом к уже задуманной тогда правящей верхушкой Москвы грандиозной перестройке всего Кремля и сооружению новых городовых укреплений. Последнее стояло в самой непосредственной связи с военными задачами Московии. Московское правительство усиленно вызывало из-за рубежа инженеров, архитекторов и техников в подмогу Фиораванти. А пока они не прибыли, следовало, чтобы даром не проходило время, разработать хотя бы в общих чертах проекты предстоящих инженер-

[1] См. *Уварова*, Материалы для археологического словаря в «Древностях» за 1874 г.

[2] См. его статью в «Русском биографическом словаре», в которой он между прочим говорит, что согласно преданию Фиораванти построил много зданий в Вологде, Новгороде и других городах.

ных и гидравлических работ. Кому же в тогдашней Москве кроме Аристотеля Фиораванти могла быть поручена такая предварительная работа, требовавшая огромных теоретических знаний и личной опытности?

Исходя из этого, можно полагать, что после соборной постройки Фиораванти, наряду с пушечнолитейным делом, был занят и составлением крепостных проектов. Это логически вяжется и с теми задачами, разрешить которые в ближайшем будущем надлежало московскому правительству, и с характером разностороннего творчества самого Фиораванти, именовавшегося у себя на родине magister ingenierium (мастер инженерного искусства). Правда, никаких указаний по этому поводу, так же как и относительно постройки им семи церквей, мы не встречаем в летописях. Но тут есть существенная разница. Умолчание летописей об этом удовлетворительно объясняется тем, что предварительное проектирование городовых укреплений являлось работой секретной и преждевременной огласке, разумеется, не подлежало. О ней могли знать немногие лица, пользовавшиеся доверием Ивана III. Однако никаких чертежей или зарисовок Фиораванти, как и других итальянских мастеров, соорудивших колоссальные кремлевские стены, каменные дворцовые палаты, Архангельский собор и исполнивших ряд сложнейших гидравлических работ, до нас не дошло; они, видимо, погибли в чудовищных московских пожарах. Создается впечатление, что все мастера работали без предварительных проектов, «на-глаз», подобно местным зодчим, у которых долгое время строительный чертеж заменялся словесным определением форм и размеров возводимого ими здания. Во всяком случае можно допустить, что по окончании постройки

Успенского собора Фиораванти был несколько лет занят проектированием задуманных построек Кремля.

Обстоятельства его личной жизни, не связанные с деятельностью в Московии, неизвестны. Однако его настроения освещаются попыткой уехать в Италию в 1479 г. Мечтой Фиораванти было не только завоевать славу среди современников созданием архитектурного шедевра, — он хотел, чтобы имя его не умерло в грядущих поколениях. В Москве перед ним было невспаханное поле, по которому он надеялся провести первую, навеки неизгладимую борозду. Здесь, в культурно убогой стране, он должен был начать с азов строительного дела, обучать туземцев уменью делать кирпич и творить известь, на каждом шагу должен был считаться с требованиями властей светских и духовных, опасаться возможных интриг и недоброжелательства, преодолевать местную косность в разных ее проявлениях. Он твердо шел к намеченной цели, не считаясь ни с какими трудностями, соглашаясь на всякие работы, лишь бы достичь своего. Он был архитектором, военным инженером, литейщиком, каменщиком, скульптором, чеканщиком — вместе и в отдельности. Он сам отыскивал глину, мял ее, строил кирпичный завод, обжигал кирпич, мешал известь, устраивал Пушечный двор, лил пушки, учил стрелять из них, ходил в походы с московской ратью. Не щадя себя, тратил он на это свои дарования, силы и время... Но все это являлось лишь деталями его московской жизни, весь же смысл его существования заключался в создании собора.

И он блестяще довел до конца свое сооружение, восхитил им русских летописцев, верно оценивших творение «фряжеского муроля» не только со стороны его монумен-

Внешний вид Успенского собора, построенного Аристотелем Фиораванти (1475—79) (Фото, заснятое после реставрации 1913 г.)

Литейное дело в Москве XIV столетия. С миниатюры из лицевой рукописи

тальности, технической новизны и прочности, но и со стороны художественной. Фиораванти был удовлетворен, зная, что теперь его имя не умрет в потомстве. Больше ему нечего было делать в Московии, в стране, где зимою птица замерзает на лету, а летом от зноя реки превращаются в ручьи.

Наступила естественная реакция. Труды и возраст не могли не сказаться. Нужен был отдых, передышка, перемена впечатления и места. Фиораванти тянуло в Италию, куда снова звал его родной город, семья, постройка городского дворца.

Окружавшая его в Москве среда и обстановка не могли заглушить этого зова. Иван III, правда, очень жаловал его. Но Фиораванти прекрасно понимал цену такой ласки: ублажали нужного человека, познания которого не были еще использованы до конца; считались как со специалистом, на смену которому еще не явились другие мастера.

Закулисная сторона всякого двора с его интригами, шпионством и тайной борьбой темными средствами представляет картину весьма непривлекательную. Старый московский двор, не являясь, разумеется, исключением из этого общего для всех времен и стран правила, отличался еще грубостью нравов и чрезвычайной подозрительностью. Здесь решительно никому не верили, всех опасались, и своих и чужих, и близких и далеких; здесь, у самых истоков верховной власти, боялись не столько открытого возмущения порабощенных людей, сколько заговоров и предательства из-за угла. В связи с этим самый незначительный случай, самое пустое слово превращались в государственное преступление, возбуждали грозные розыски, немилосердные пытки заподозренных. Никто из лиц,

по своему положению или работам входивших в круг придворных отношений, не был обеспечен от подобного несчастья, ибо извет и оговор являлись вернейшим орудием борьбы для групп, боровшихся за влияние. С приездом Софии Палеолог придворная атмосфера окончательно сгустилась.

Аристотель Фиораванти, заваленный разнообразными работами, поглощенный своими замыслами, не имел ни времени, ни желания принадлежать к какой-либо группе и мараться в грязи придворных интриг. Но уже одно то, что он был придворным иноземцем, заставляло некоторых причислять его к группе Софии, гречанки, с которою, к неудовольствию многих, в Москву понаехало немало греков и фрязинов. Результаты такого взгляда Фиораванти несомненно испытывал на себе очень часто, когда ему при его работах ставили разные препоны и делали мелкие гадости даже не из личной неприязни к нему, а просто потому, что он был иноверец, фрязин. Конечно, нечто подобное испытывали и придворные художники в Италии, на родине Фиораванти. Но там такое положение все-таки смягчалось тем, что придворный художник, не имея почему-либо возможности переменить место своей службы, мог все-таки найти отдохновение вне круга придворной жизни. К его услугам было общество других художников, литераторов, ученых гуманистов, общественная жизнь. В Москве все это было недоступно. Имеющаяся небольшая иностранная колония состояла преимущественно из купцов, далеких от интересов, которыми жил художник; кроме того общение с иноземцами считалось подозрительным из опасения шпионства. Еще меньше мог общаться Фиораванти с самими московитами. Его окружала среда рабо-

лепной придворной челяди, грубой, невежественной даже в смысле первоначальной грамоты. Развлечения таких людей сводились обычно к попойкам, грязному разврату и диким забавам с доморощенными шутами, к кулачной расправе «потехи ради» с меньшим, безответным людом,—ни интересных застольных бесед об искусстве, политике и науках, ни музыки, ни облагораживающего влияния женщины, загнанной в терем и совершенно исключенной из общества. Московиты, даже и наиболее просвещенные, вообще косо посматривали на всякого «басурмана», будь он с востока или запада, сторонились от иноземцев, считая их в буквальном смысле этого слова чуть ли не «погаными». Для того чтобы войти по-настоящему в местное общество, иностранцу надо было «перекреститься» (принять православие), только тогда он становился «русским».

А вокруг дома Фиораванти лежал город-деревня, постоянно вспыхивавший пожарами, весной и осенью утопавший в непроходимой грязи, зимой заваленный огромными сугробами снега. На узких кривых улицах встречались обыватели, бородатые, в длиннополых одеяниях, — нето попы, нето долгогривые мужики. В трезвом виде они смиренно ломали шапку перед всяким, кто с виду был побогаче и познатнее, под хмельком горланили непристойные песни, заводили драки и при случайной встрече с иноземцем не упускали случая изругать его, а нето и швырнуть ему в спину какой-нибудь дрянью. Кстати материала для этого было достаточно: повсюду, начиная с Кремля, виднелись кучи всевозможных отбросов, в которых рылись собаки и птицы — единственные городские ассенизаторы.

При великокняжеском дворе произошел кровавый инцидент: иностранного врача, не сумевшего вылечить про-

живавшего в Москве татарского князя Каракучу, обвинили в злонамеренном отравлении пациента и после жестоких пыток по велению Ивана III зарезали на Москва-реке, как овцу. На Фиораванти это произвело такое впечатление, что он решился тайно уехать. Попытка кончилась бедой.

Иван III воспылал великим гневом. Летописец, при всей своей лаконичности, довольно подробно осветил этот трагический момент. Сообщив о смерти Каракучу и об ужасной гибели лекаря, он прибавляет, что Аристотель «бояся того же, начал проситися у великого князя в свою землю; князь же великий поима его и ограбив посади на Онтонове дворе за Лазорем святым» (Софийская летопись).

Указание летописи, что Фиораванти-невольник сидел на Антоновом дворе, интересно в следующем отношении. Известно, что около нынешней Конюшенной башни, в местности, где селили придворных иноземцев, находился двор Антона Фрязина. Это был один из строителей московского Кремля, приехавший в Москву вместе с Марком Руфо. Отсюда следует, что Фиораванти дождался приезда других итальянских мастеров и конечно находился с ними в контакте относительно своих работ и проектов перестройки Кремля. Упоминание летописи об ограблении означает, что имущество Фиораванти было конфисковано. Возможно, что уже тогда погибли его строительные чертежи, математические вычисления, разные рукописи, письма из Италии и его личные записки.

Казнь немца-лекаря и великокняжеская опала Фиораванти относятся повидимому к зиме 1484 г. Это опровергает мнение, встречающееся иногда в справочных издани-

ях, будто Фиораванти еще в 1479 г. вернулся в Италию и там продолжал заниматься строительством.

За Фиораванти усердно хлопотала партия великой княгини, возможно и приехавшие недавно иноземные мастера. Через несколько месяцев Иван III сменил очевидно гнев на милость: Фиораванти попрежнему был очень нужным человеком для московского правительства. В 1485 г. Москва предприняла новый поход для окончательного покорения Твери, и Фиораванти снова в нем участвует в качестве заведующего артиллерией.

Сообщение летописи от 1485 г. является последним достоверным сведением о Фиораванти, которым мы пока располагаем. Все остальное относится уже к области допустимых предположений. Мнение, будто бы он в конце концов все-таки вернулся в Италию и даже занимался там строительством, приходится отбросить. Фиораванти был слишком крупным художником своего времени, чтобы такой факт мог пройти не отмеченным в итальянских архивах. Также не встречается и устных преданий о его возвращении и жизни или работах в Италии. А между тем в Италии тогда крайне интересовались всем, что касалось Московии, всякого, побывавшего там, подробно расспрашивали о нравах, обычаях, торговле и управлении этой диковинной для Запада страны. С Фиораванти должен был вернуться и его сын Андрей, человек еще нестарый. Он несомненно поведал бы о подробностях долговременного пребывания и деятельности отца в Московии. Но архивы и устные предания молчат об Андрее Фиораванти так же, как и об его отце.

Существует еще одно обстоятельство, опровергающее предположение, что Фиораванти уехал из Московии: это

дворец дель Подеста́ в его родном городе. Надо помнить, что, с одной стороны, болонские власти, еще в 1479 г. прося московское правительство отпустить Фиораванти, подчеркивали, что в этом нуждаются его работы, с другой, что капитальная перестройка этого здания по модели, сработанной в 1472 г., началась только с 1485 г. Очевидно в это время выяснилось, что рассчитывать на возвращение Фиораванти больше не приходится. Общий характер и детали перестроенного дворца дель Подеста́ свидетельствуют, что основной замысел его принадлежит художнику, хорошо знакомому с переходом болонского архитектурного стиля от форм средневековья к формам Возрождения. В то же время чувствуется, что строитель его был свободен от подражания определенному образцу (в данном случае формам классицизма, тогда господствовавшим) и действовал вполне самостоятельно, прекрасно справляясь с трудной задачей — одеть древнее здание в новый наряд. Знаток болонской архитектуры Руббиани, на которого в своей работе ссылается Бельтрами, так характеризует эту постройку, сооруженную по модели Фиораванти: «При взгляде на фасад дворца дель Подеста́ сразу заметно, что стиль его, хотя и эпохи Возрождения, во многом отличается от его типичных построек. В нем чувствуется величественность и сила древнего Рима, но здесь это достигнуто характерными, местными, болонскими мотивами, еще далекими от слепого подражания образцам классической древности... Самый способ перестройки, сопряженный с большими техническими трудностями, доказывает, что его проектировал весьма компетентный зодчий-инженер». Все это очень напоминает метод художественного подхода Фиораванти в отношении строительства Ус-

пенского собора, построенного им без слепого подражания местным образцам, характерные мотивы которых так умело были использованы строителем, что в конечном итоге сооружение итальянца навсегда осталось исключительным образцом русского храма.

В связи с этим можно согласиться с мнением, что из построек Фиораванти кроме Успенского собора до сих пор существует еще один памятник архитектурного творчества — дворец дель Подеста́ в Болонье.

Таким образом, остается сделать заключение, что Аристотель Фиораванти умер в Москве. Ничем не сдерживаемый деспотизм положил преждевременный конец плодотворной деятельности одного из самых талантливых зодчих-художников, когда-либо работавших на Руси, с популярностью которого может равняться в России только популярность другого итальянского же архитектора — Растрелли младшего.

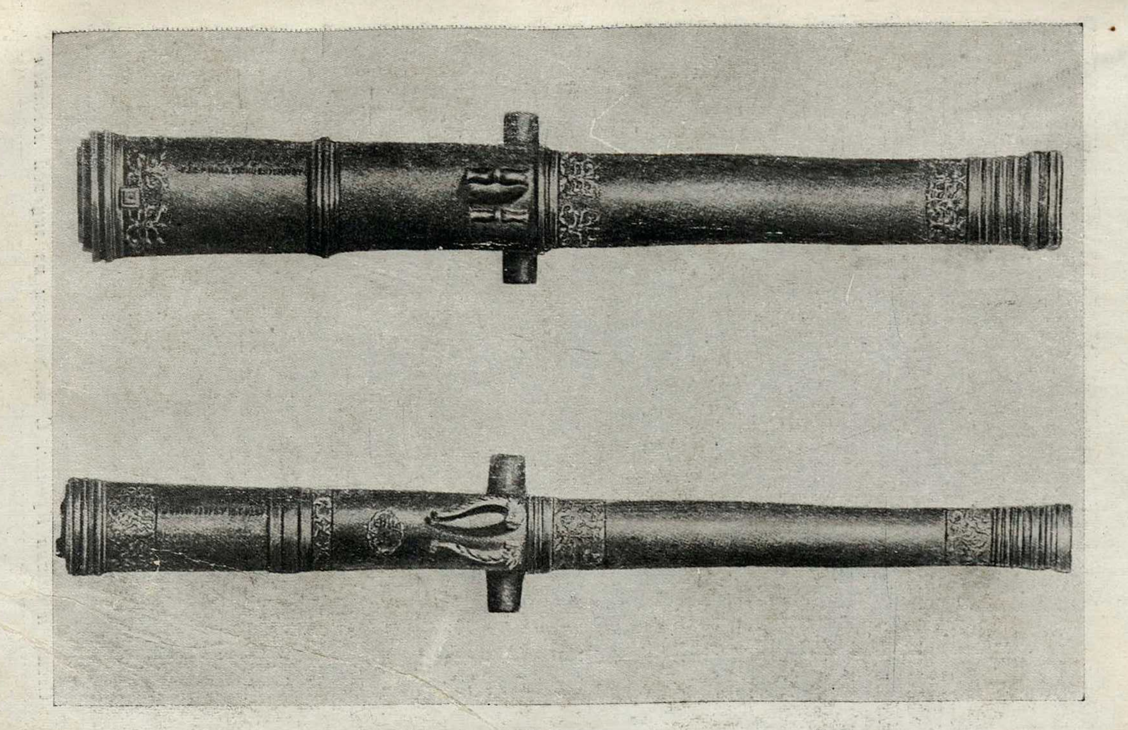

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

есмотря на разносторонность талантов Фиораванти, на его поразительную энергию даже в том возрасте, когда люди обычно уходят на покой, он не был в состоянии один привести в исполнение грандиозный план предрешенной перестройки Кремля. Это было неотложной задачей правящей Москвы, уже не данницы и вассала Золотой орды, а Москвы, собиравшейся повести энергичное военно-торговое наступление на восток и запад. В связи с этим и на случай перенесения военных действий в пределы самой Московии ее столица должна была обладать крепостными сооружениями.

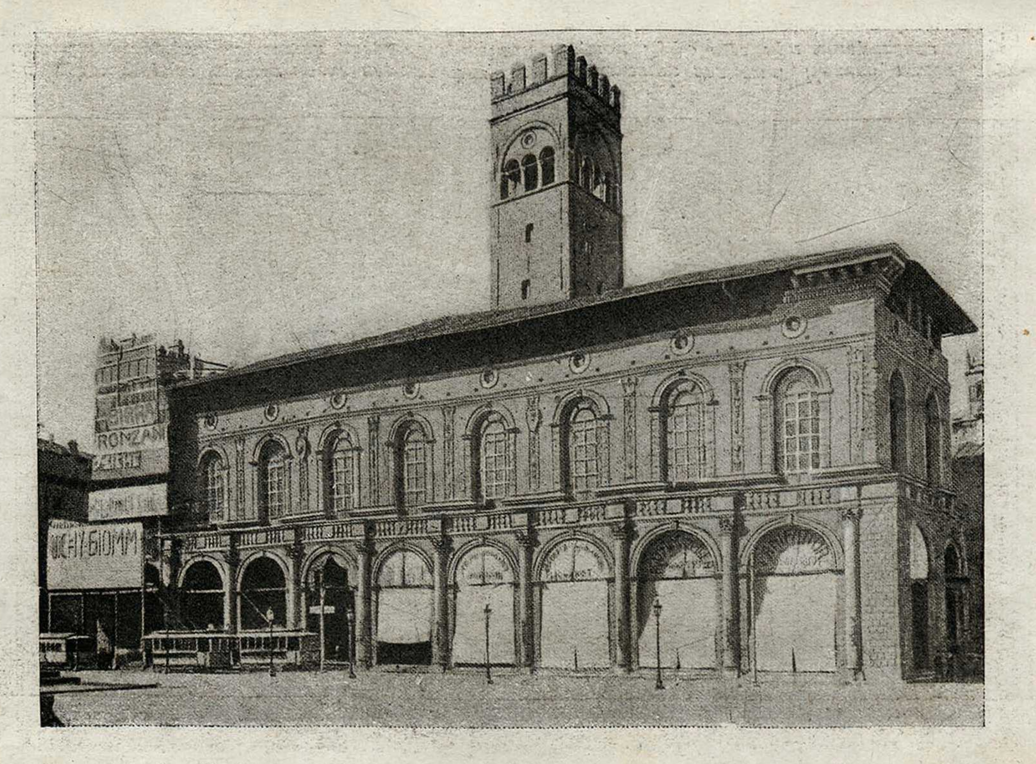
В то же время опасность частых грандиозных пожаров грозила уничтожить накопленные богатства в деревянном Кремле, что также служило стимулом к его перестройке. Денег и холопов было вдоволь; нехватало квалифициро-

Тип больших орудий, отливавшихся в XVI столетии на московском Пушечном дворе, устроенном в конце XV столетия Аристотелем Фиораванти

Стены и башни Кремля. С миниатюры из лицевой летописи

Дворец дель Подеста в Болонье, перестроенный в конце XV столетия по модели, сделанной Аристотелем Фиораванти

Соборная площадь старого Кремля после перестройки его итальянскими зодчими. Налево виден двухоконный каменный Казенный двор, построенный Марком Руфо еще при Фиораванти

ванных исполнителей, мастеров. За ними, понятно, обратились прежде всего к Италии, откуда мастера и стали прибывать.

Еще при жизни Фиораванти прибыл ряд итальянских мастеров (Антон Фрязин, Марк Руфо). Позже приехали пушечники Яков и Павел Дебосис. Зимою 1490 г. с московскими послами прибыли мастера стенные и палатные — Петр Антоний Солари с учеником Занантонием; серебряных дел мастера — Христофор, Альберт из Любека и Карл с учеником из Милана и другие. Между прочим прибывший из Венеции лекарь Леон, не сумев вылечить сына Ивана III, был публично казнен отрубанием головы... Повторилась трагедия предыдущего иностранца-лекаря.

Следует особо отметить Петра Антония Солари, так как Забелин высказывает предположение, что он мог быть тем самым «паробком Петрушкою», приехавшим в Москву с Фиораванти еще в 1475 г., а потом, по окончании постройки собора, вернувшимся на родину. Если Забелин прав, то в лице Солари мы имеем выученика Аристотеля Фиораванти, зодчего-инженера, осуществившего при постройке кремлевских стен и башен замыслы своего великого учителя.

В 1493 г. московские послы, отправленные в Венецию и Милан, снова набирали нужных людей, и в Москву приехали стенной мастер Алевиз из Милана и пушечник Петр с помощниками и другими второстепенными мастерами. Весьма правдоподобно, что миланец Алевиз, по значению главнейший среди иноземных зодчих после Фиораванти, был рекомендован Солари, как-то связанным с Фиораванти; таким образом, нить вызова опять тянется к Аристотелю.

Несмотря на затруднения, на задержку соседними государствами проезжающих в Московию мастеров, Москва уже располагала нужными строителями и с 1485 г. приступила к возведению кремлевских укреплений. Впрочем до начала этих работ сперва заложили в 1483 г. новое казнохранилище, — настолько велик был страх Ивана III перед налетами «красного петуха». Марк Руфо закончил постройку к 1485 г. во-время: как раз в этом году в Кремле опять был страшный пожар.

О внешнем виде этого сооружения дает представление миниатюра XVII столетия. Постройка Руфо (размер 18 × 24 аршина) простояла почти триста лет. Превращенная в 1758 г. в каменные галлереи, где помещались оружейная мастерская и конюшенная палата, постройка была разобрана только в 1770 г. Уже по этому примеру видно, как прочно умели строить соотечественники Фиораванти.

Постройка кремлевских стен и башен производилась постепенно, частями, так как нельзя было раскрывать сразу всю городскую ограду и приходилось, учитывая возможность военных событий, оставлять возле строящейся стены старые стены. 29 марта 1485 г. Антон Фрязин заложил на берегу Москва-реки проездную Тайницкую башню или по-тогдашнему стрельницу [1], а под нею устроил *тайник*, т. е. тайный родник для добывания воды во время осады.

Уже самое начало постройки показывает, как хорошо был заранее разработан, даже в деталях, ее план и какие опытные крепостных стен мастера руководили постройкой. Чувствуется, что в разработке плана не мог не при-

[1] Татарское слово *башня* еще не было в употреблении, его ввел в оборот во второй половине XVI столетия князь Курбский, известный своею литературной полемикой с Грозным.

нимать участия Фиораванти, в свое время сделавший неприступными крепостные сооружения своего родного города. Антон Фрязин шел по его стопам. Возводя Тайницкую башню, он прежде всего создал первое звено линии обороны на той стороне, откуда обычно появлялись татары.

В 1487 г. Марк Руфо заложил юго-восточную круглую стрельницу — Беклемишевскую башню, а через год Антон Фрязин заложил другую, юго-западную—Свибловскую, тоже с тайником под нею. Сооружением этих башен и стен между ними была укреплена прежде всего южная, наиболее опасная в военном отношении сторона Кремля. В 1490 г. Петр Антоний Солари, *архитектон*, как величают его летописи вероятно за особое искусство в строительном деле [1], поставил две башни: одну — на западе Кремля, у Боровицких, другую — на востоке, у Константино-Еленинских ворот, и вывел стену между Свибловской и Боровицкой стрельницами.

На следующий год (1491) он же, совместно с Марком Руфо, заложил две проездные стрельницы со стороны торгового посада: Фроловскую (Спасские ворота), разобрав предварительно до основания Ермолинскую постройку с ее белокаменными барельефами, и Никольскую.

На первой из них сохранились две каменные доски, одна с латинской, другая с русской надписями, свидетельствующими, что эта стрельница строена «Петром Антонием от града Медиолана». В том же году Солари заложил и стену от Никольской башни до речки Неглинной, где в

[1] Такое отличие тоже как будто указывает на то, что он действительно был Петром, архитекторским учеником Фиораванти.

1492 г. поставил круглую башню (ныне Угловая или Арсенальная), тогда именовавшуюся Собакиной [1].

Покончив с укреплением восточной стороны, приступили к строению вдоль речки Неглинной. Эту сторону оставили под конец, так как она имела природное прикрытие в виде трудно проходимых мест, образуемых речкой с ее крутыми берегами. Но прежде чем возводить здесь башни и стены, пришлось предварительно проделать очень сложные работы, связанные с гидравлическими сооружениями, о которых местные мастера не имели представления и которыми так славились старые итальянские инженеры. Прежде всего надо было укрепить берега речки, чтобы они были в состоянии выдерживать давление массивных сооружений и не давали оползней. Сверх этого надлежало от Боровицких ворот к Москва-реке провести ров по линии уже построенной стены; с него и начались в 1493 г. инженерные работы на западной стороне Кремля.

Одновременно выяснилось, что необходимо в целях стратегических очистить от каких бы то ни было построек полосу за р. Неглинной вдоль Кремля. Поэтому в том же 1493 г. «повелением великого князя церкви сносиша и дворы за Неглинною; и постави меру от стены до дворов сто сажен да девять». Такое крутое мероприятие, нарушая интересы частных владельцев, вызвало ропот и сетова-

[1] Забелин производил названия этих башен от имен владельцев дворов, расположенных в этих местах. Но проф. С. Веселовский предлагает другое, повидимому более правильное, толкование: когда в XIV столетии возводились первые каменные стены Кремля, то их спешной (ввиду опасности со стороны Литвы) постройкой одновременно заведывали по пряслам Иван Собака, Федор Свибло, Федор Беклемиш и его брат Фрол (от имени последнего и произошло название *Фроловских*, позднее Спасских, ворот).

ния на то, что не подобает, дескать, так разрушать «святые места». Архиепископ Геннадий в письме из Новгорода к митрополиту Зосиме очень резко осуждал «великую нечесть государскую», жалуясь, что благодаря повелению великого князя, «где престол стоял да жертвенник, и то место не огорожено, ино и собаки на место ходят и всякий скот», что «церкви старые извечные выношены вон... кости мертвых выношены за Дорогомилово», а «гробокопателям какова казнь писана?!» — угрожающе восклицал Геннадий. А между тем этот Геннадий по тем временам был образованным и по-своему отличался вольнодумством. После этого нетрудно представить, как возмущались и злословили представители «стоячей старины», особенно те, кому приходилось выбираться на новые места. Слухи о московском нарушении имущественных и церковных «святынь» в преувеличенном виде дошли до Киева, находившегося под властью Литвы, вызвав там неблагоприятные для Ивана III толки [1].

Несколько раз с начала постройки кремлевских укреплений возникали сильные (возможно и преднамеренные) пожары, которые рассматривались старозаветными суеверами как проявление «божьего гнева» за «великую государскую нечесть», проявившуюся в сломке церквей, перенесении кладбищ и т. д.

Но Иван III ни на что не обращал внимания и энергично продолжал начатое. Он поручил Алевизу работы, сопряженные с гидротехникой, а по окончании их ему же поручил постройку стен и башен этой части Кремля. В

[1] В 1495 г. местность за Москва-рекой против Кремля тоже была очищена от всяких строений и был разведен огромный *государев* сад, просуществовавший до конца XVII в.

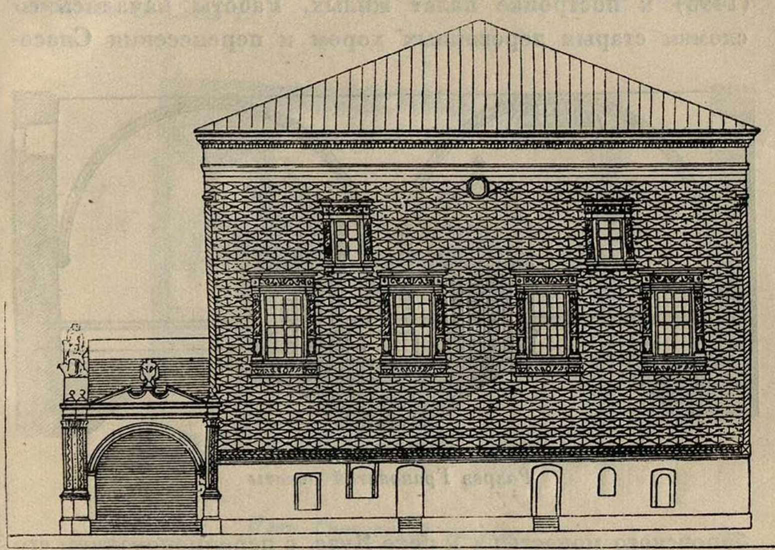
1495 г. была заложена последняя городовая стена, постройка которой вместе с башнями и воротами (Троицкими) несколько затянулась. Причиною тому очевидно послужили периодически возникавшие пожары, заставлявшие тратить время, рабочую силу и средства на возобновление погоревших строений. Повидимому на этой стороне работы были закончены в четырехгодичный срок (1495—1499). С этого момента кирпичный треугольник кремлевской ограды прочно сомкнулся, местами отойдя вперед от прежней линии, благодаря чему площадь Кремля несколько увеличилась. Дальнейшие работы в отношении крепостных сооружений Кремля являлись уже только их усилением и дополнением.

Наравне с сооружением стен и башен внутри Кремля усиленно возводились каменные здания. В период с 1454 по 1485 г. псковские мастера возвели Благовещенский собор, а фрязин Марк Руфо приступил в 1487 г. к сооружению приемной кремлевской палаты, необходимой по соображениям внешнего престижа: претенденту на «византийское наследие» неудобно было принимать иностранцев в «брусяной избе». Со времени установления сношений Московии с Западом иноземные послы стали появляться в ее столице уже не проездом.

В 1487 г. Марк Руфо заложил каменную палату, которая потом называлась Малою и Набережною. В 1491 г. он с Петром Антонием Солари выстроил на соборной площади Большую палату, известную под именем Грановитой и существующую до настоящего времени. Эти два монументальные здания предназначались для приемов послов и других торжественных случаев. Таким образом было положено основание новому дворцу, который подобно ста-

рому деревянному должен был состоять из ряда построек, по стародавней традиции связанных друг с другом крыльцами, сенями и лестницами.

Грановитая палата — «аудиенцзала» постепенно воздвигаемого кремлевского дворца — первоначально имела вы-

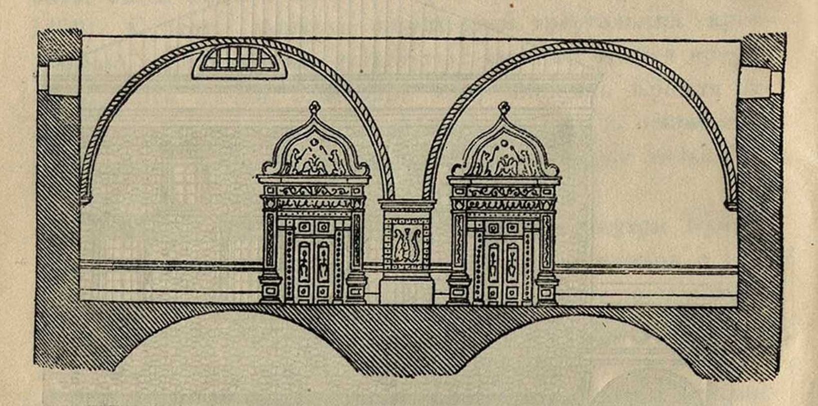

Фасад Грановитой палаты

сокую четырехскатную крышу, как это видно на миниатюрах XVII столетия. Детали сохранившейся архитектурной обработки — уцелевшее окно в виде двойной арки, портал, ведущий в сени — характерны в качестве украшающих форм раннего Ренессанса. Центральный столб, на котором покоятся четыре крестовых свода, особые сени с тайником над ними, отдельный лестничный всход дают

известное представление и о Малой палате, построенной Руфо, и о последующих дворцовых зданиях этого периода; несомненно все они подходили к типу итальянских палаццо.

Окончив постройку приемных палат, приступили (1493) к постройке палат жилых. Работы начались со сломки старых деревянных хором и перенесения Спасо-

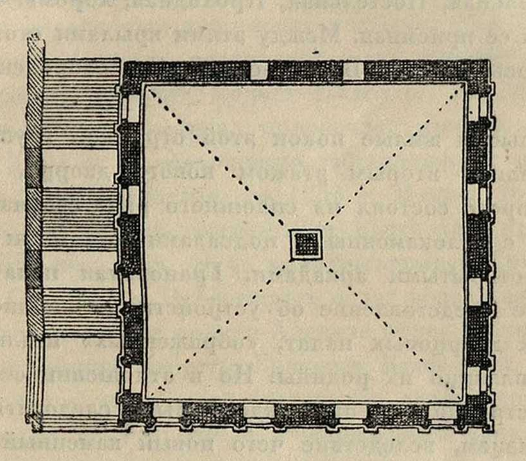

Разрез Грановитой палаты

боровского монастыря к реке Яузе, с переименованием его в Новоспасский. Великий князь переселился на двор князя Патрикеева у Боровицких ворот в ожидании временных хором. Но работы с июля 1493 г. оборвались вследствие невиданного пожара.

Пожар в несколько часов обратил всю столицу в огромное пепелище и выгнал Ивана III в крестьянские дворы около р. Яузы. Опустошения были настолько велики, что постройку дворца возобновили только с весны 1499 г. и тогда же заложили от нее до Боровицкой башни каменную

стену для большей безопасности в пожарном отношении. Работами, по сообщению летописи, руководил Алевиз, своими талантами не уступавший Марку Руфо и Солари. План постройки был очень широкий, и для выполнения его потребовалось несколько лет. Все было закончено только в 1508 г.

План Грановитой палаты

Огромный каменный дворец, наконец сменивший деревянные хоромы, в главных своих строениях существовал и в XVII столетии, оставив нам так называемый Годуновский чертеж Кремля.

Фасад дворцовых зданий выходил на Соборную площадь, где стояли палаты: Большая (Грановитая) и Золотая, или Средняя, связанные друг с другом Красным крыльцом с тремя лестницами, из которых одна (у стены Грановитой палаты) сохранилась в перестроенном виде

до нашего времени [1]. Южное крыло дворца составляли Набережные палаты (Большая, Средняя, Малая), Набережные терема и другие здания, из которых одно служило иногда местом заключения для лиц, принадлежавших к великокняжеской семье. В северное крыло входили палаты: Наугольная, Постельная, Проходная, хоромы великой княгини и ее приемная. Между этими крылами стояла старая церковь Спаса-на-Бору, остаток Спасоборовского монастыря.

Приемные и жилые покои этой огромной группы зданий являлись вторым этажом нового дворца, нижний этаж которого состоял из сплошного ряда сводчатых помещений с белокаменными подвалами под ними и был опоясан открытыми аркадами. Грановитая палата дает примерное представление об устройстве и внешнем виде всех этих дворцовых палат, «обряженных» итальянцами по типу палаццо их родины. Но в отношении основного плана постройки они принуждены были следовать туземным образцам, вследствие чего новый каменный дворец имел немалое сходство с прежним деревянным. Его нижний сводчатый этаж являлся каменным подклетом и был предназначен, подобно подклету всех старорусских строений, для служебных помещений; отдельные палаты второго этажа, соединявшиеся одна с другой лестницами и переходами, соответствовали «избам» и «горницам» деревянных хором. Это сходство нового дворца со старым подчеркивалось еще и тем, что каменные палаты, приближаясь по размерам и формам к их деревянным предшественницам, имели с ними одинаковое же назначение (При-

[1] Обычно ее неправильно называют Красным крыльцом, уже не существующим.

емная, Столовая, Спальная и пр.) и были расположены на тех же местах, что и прежние. Иноземные зодчие, связанные определенными требованиями, не имели возможности выстроить новый кремлевский дворец в виде одного цельного здания, подобного, например, палаццо дожей в Венеции, и их сооружение «раскидистостью» повторило исконный тип деревянных дворцовых построек старой Руси.

Создание Алевиза, воздвигнутое (по мнению Забелина) при сильном влиянии Софии Палеолог, пережив целый ряд страшных пожаров, простояло, пристраиваемое в XVI — XVII вв. и совершенно заброшенное с первой половины XVIII столетия, до 1753 г. В этом году другой итальянский зодчий, знаменитый Растрелли, придворный обер-архитектор, на месте разрушающихся Средней, Золотой, Столовой и Набережных палат возвел на каменном сводчатом подклете времен Алевиза новое здание — Кремлевский зимний дворец. Гравюра Кампорези, современная этой постройке, дает достаточно ясное представление о внешнем виде древнего алевизовского подклета с его аркадами, в наличии которых хочется видеть влияние Аристотеля Фиораванти, уроженца Болоньи — «города аркад».

Тогда же приступили к постепенной разборке остальных зданий старого дворца с его более новыми, но уже обветшавшими пристройками. После предварительного осмотра их была составлена подробная опись, проверенная самим Растрелли, доносившим, что «в оном кремлевском дворце всех покоев и с потребами находится до тысячи номеров и не малое число открытых площадок или галлерей». Уже одно это краткое упоминание свидетельствует о том, как обширна и интересна по своей композиции дол-

жна была быть постройка Алевиза[1], до окончания которой не дожили ни гречанка София, ни Иван III.

Не увидел, хотя бы вчерне, Иван III и другое замечательное сооружение итальянского гения — грандиозный Архангельский собор, заложенный еще в 1505 г.[2] на месте разобранной постройки времен Калиты, на старом ее основании, сохранившем притвор. Работы вел Алевиз, которого летопись называет *Новым*. Прежде полагали, что это был все тот же Алевиз, который строил городовые укрепления, и что название Новый является переделкой на русский лад его фамилии (Novi). Но теперь уже установлено, что Алевизов было два и что второй из них, Новый, приехавший в Москву в 1505 г., строил перед этим крымскому хану дворец в Бахчисарае[3].

Деятельность итальянских мастеров, насчитывавшая к этому времени более четверти века (1475—1505), уже приучила московитов к красоте и своеобразию их архитектурных работ. Это позволило Алевизу придать своему сооружению с внешней стороны итальянскую обработку. Архангельский собор, благодаря вполне итальянским деталям своих фасадов из белого камня на фоне кирпичных стен, является наиболее «фряжским». Если отбросить главы

[1] При постройке в 1839—1849 гг. нынешнего Большого кремлевского дворца уцелела часть Алевизовой постройки, составив нижние этажи здания теремов, возведенных на ней в XVII столетии и существующих поныне.

[2] В том же году фрязин Бон заложил церковь-колокольню, выстроенную в три года. В состав этого здания, для которого фрязин Петр слил колокол в 350 пудов, вошла старинная церковь Иоанна Лествичника. При Борисе Годунове над этим сооружением был надстроен столп Ивана Великого.

[3] См. работу *Н. Л. Эрнста*, Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III фрязин Алевиз Новый («Изв. Тавр. общ. ист., археол. и этн.», т. II).

этого собора, его кокошники-закомары[1] с раковинами, позднейшие пристройки и контрфорсы, остается настоящее итальянское палаццо с «перспективными входами», украшенными растительным орнаментом в стиле раннего итальянского Возрождения, пилястрами, оконными арками нижнего этажа и выступающим карнизом. Однако, так как Алевиз должен был все-таки придерживаться уже выработанных на Руси архитектурных форм храма, то «организм» (по выражению А. Некрасова) его постройки остался русским, лишь облаченным в итальянский наряд.

Пристройки, приделы и подпорки с течением времени изменили первоначальный вид Архангельского собора, по замыслу своего строителя долженствовавшего соответствовать соседнему с ним созданию Фиораванти. Особенно безобразило собор псевдоготическое крыльцо с северной стороны, построенное Казаковым в XVIII столетии, и только не так давно наконец уничтоженное.

В том же 1508 г. Василий III поручил Алевизу «вкруг града Москвы ров делати камнем и кирпичом и пруды чинити вокруг града». Эти работы Алевиза довершили укрепление Кремля, каковой и понимается в летописи под названием *града*. По теперешней Красной площади, до середины XVII столетия называвшейся *пожаром*[2], Алевиз провел глубокий ров от Неглинной, около которой устроил обширные пруды; подняв воду посредством плотин и пустив ее по рву, он соединил этим рукавом Неглинную выше ее устья с Москва-рекой. Ров был выложен белым камнем и кирпичом; по обеим сторонам его шли невысо-

[1] *Комара* — свод, *закомара* — наружная его стенка, описывающая дугу свода.

[2] Т. е. пустое место, оставшееся после пожара.

кие зубчатые стены. Остатки всех этих сооружений окончательно были уничтожены за полной их ненадобностью только в начале прошлого столетия. Через ров, перерезая его стены, шли мосты от Спасских и Никольских ворот. В 1516 г., в связи с расширением прудов на Неглинной, был построен через речку по времени первый в Москве каменный мост на арках, с особой отводной стрельницей *Кутафьей* (неуклюжая), защищавшей доступ к нему. Этим были закончены работы итальянцев по устройству кремлевских укреплений, длившиеся тридцать один год (1485—1516).

При возведении кремлевских стен, башен и ворот фряжские зодчие не были так связаны местной традицией, как это имело место при постройке церквей и дворцовых палат. Это обстоятельство дало им возможность сообщить своему колоссальному сооружению типичные черты староитальянских замков. Здесь необходимо заметить, что кремлевские башни (отчасти и стены) не имели тогда нынешнего вида. Нарядные шатровые верхи кремлевских башен, придающие Кремлю восточный стиль, были возведены гораздо позже, только в XVII столетии. Чертеж Кремля, приложенный к книге Герберштейна («Записки о Московии»), хотя и относится к числу так называемых фантастических, дает все-таки известное представление о характере тогдашних кремлевских укреплений. Годуновский план Кремля (первые годы XVII столетия) подтверждает общие показания герберштейновского чертежа [1]. Чтобы со-

[1] Чертеж Герберштейна, посетившего Москву в 1517 г. и 1526 гг., является древнейшим планом города. Годуновский план (с «птичьего полета»), хронологически третий, стоит гораздо выше герберштейновского, так как захватывает все части тогдашней Москвы и достаточно верно передает характер ее крупных сооружений. Первый

ставить представление о кремлевских украшениях в первоначальном их виде, надо представить себе верхи башен приземистыми и сравнительно немного выдающимися над стенами — одни открытые, другие с низкими покрытиями. Стены же все были покрыты двускатной деревянной крышей в целях обороны от навесного боя и предохранения стен от разрушительного действия осадков. Фундамент и цоколь стен были сложены из белого камня, остальная часть — кирпичной кладки с белокаменным же поясом по середине. Во многих местах устроены внутренние ходы от одной башни к другой.

При обозрении отдельных частей кремлевских укреплений, начиная с угольных башен, устанавливается полное их сходство с итальянскими башнями в Бризегелле, Луго и Милане. Башня, ныне называемая Среднеарсенальной, соответствует миланской «башне Филарете», т. е. Антония Аверулино, соработником которого был Аристотель Фиораванти, а малые четырехугольные — башням Градара и Мантуи. Двурогие зубцы стен, именуемые в Италии «двугорбыми гиббелиновскими» или «ласточкиными хвостами», повторяют собою зубчатые городовые стены Виченцы, Милана, Турина, Вероны.

С окончанием последних работ Кремль, окруженный со всех сторон водою, превратился в остров. Проникнуть в него можно было только через проездные башни, ворота которых были защищены терсами (опускными решетками). Башни несколько выдвинуты из стен в целях обороны; в тех же целях стены шли не прямо, а с изломом, с каждой стрельницы был виден ряд других, и представля-

научно составленный по масштабу арх. Мичуриным план Москвы относится уже к XVIII столетию (1739 г.).

лась возможность наблюдения за происходящим там во время боя и оказания в нужный момент помощи. Такое расположение башен и стен в точности соответствует правилу древнеримского архитектора-инженера Витрувия. Сама по себе каждая кремлевская башня являлась настоящей крепостью. Угловые и проездные башни с полным основанием считались неприступными. Внутри Кремля уровень земли около стен и башен везде был выше, чем извне; этим было выполнено также указание Витрувия об устройстве крепостей. За двойной, местами тройной, щетиной зубчатых стен с орудиями Кремль вполне соответствовал назначению крепости. Внутри под стенами и зданиями шли подземные ходы, тайники, «водные течи», сводчатые подземелья и погреба с запасами пороха и разного оружия.

Таким образом, построенный и оборудованный итальянскими зодчими-инженерами, московский Кремль-остров отвечал всем требованиям тогдашнего фортификационного искусства, усложнившегося со времени изобретения пороха. Как военная твердыня он уступал, может быть, только прославленным замкам Милана и Меца, но превосходил их своими размерами. И в то же время он не имел их угрюмого вида благодаря своим новым храмам и нарядным палатам, живописно поднимавшимся на горе за ожерельем суровых башен и стен.

Вслед за государственным каменным строительством в Москве к концу XV столетия стали применять кирпич в своих постройках частные лица — бояре и купцы. Однако свою косность в переходе к новым строительным материалам Москва еще долго не могла преодолеть.

Показателен пример самого Кремля: стоило только заморским зодчим, окончив свои итальянизированные по-

стройки, отойти в сторону, немедленно же на сцену опять выступил местный плотник с своим немудрящим инструментом. К каменным стенам и башням Кремля начали пристраивать разные деревянные сооружения; рядом с палатами Марка Руфо и Алевиза возводились деревянные хоромы, украшенные традиционной деревянной резьбой; деревянные дворы служилых людей и церковного причта попрежнему располагались в пределах Кремля. Показательным является и то, что, несмотря на все увеличивающееся каменное строительство, и притом не только в Москве, пришлось в начале XVII столетия вызвать из Западной Европы, на этот раз из Голландии, кирпичных дел мастера, и снова учиться тому, чему за полтораста лет перед тем, казалось бы, так основательно обучил Фиораванти.

Все это, отражая еще неизжитые навыки и богатство лесного материала, отражало вместе с тем и уровень народного хозяйства страны, очень медленно переходившей на дорогу капиталистического производства.

Но сдвиг, продиктованный экономикой и политическими требованиями, все же произошел; итальянские мастера тоже сделали свое дело, и наступил новый период в истории строительства допетровской Москвы. Двухвековая летопись этого периода начинается именем Аристотеля Фиораванти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поглощение Москвою удельных княжеств, женитьба Ивана III на греческой принцессе, установление при нем дипломатических сношений с Западом, посольство туда и оттуда, покорение Новгорода Великого и формальная ликвидация зависимости Москвы от Орды свидетельствуют о превращении мало заметного княжества в Московское государство — Московию, по западноевропейской терминологии. Начавшееся в Московии расслоение феодального общества, усиление влияния московского купечества, развитие постоянных торговых сношений Московии с Польско-Литовским государством и Ливонией (а через нее с Германией и Швецией), устройство при Василии III в московских пределах больших провинциальных ярмарок (Моложская и Макарьевская), установление новой денежной системы, помимо старой новгородской, наконец частичная замена натуральных повинностей населения денежными взносами — говорят о росте товарно-денежного

хозяйства страны, о проникновении денежных отношений в область ее натурального хозяйства. В Московии, на далеком северо-востоке европейского континента, наметился в сфере экономики, в сфере группировки общественно-политических сил первый сдвиг в сторону того процесса, который уже задолго перед тем определился в Италии.

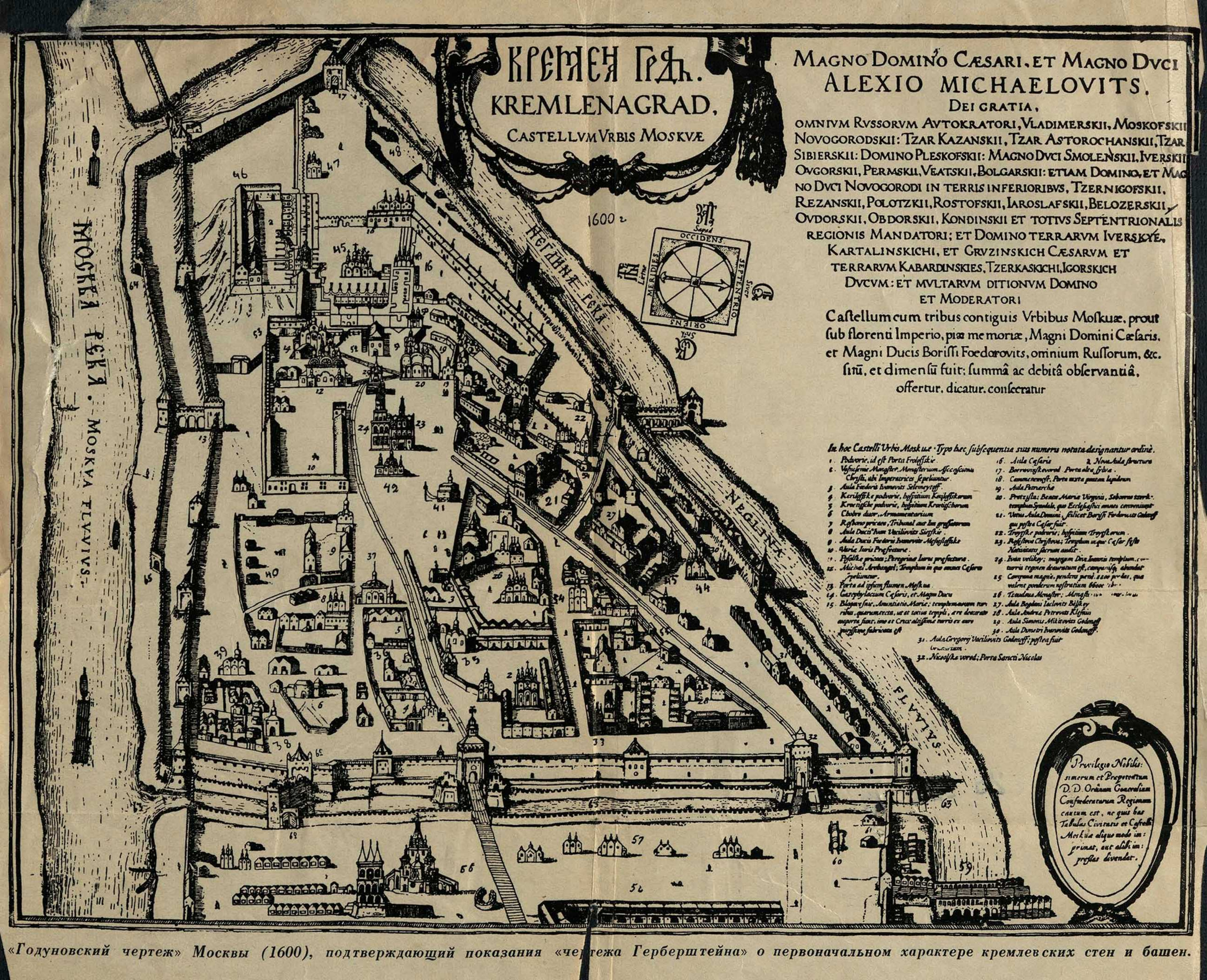
Об этом сложном процессе свидетельствует также и каменное строительство Москвы, начавшееся в ней с семидесятых годов XV столетия и осуществленное итальянскими зодчими таким темпом и в таких масштабах, что тридцатилетний период их деятельности может быть в известном смысле назван революционным. Не они конечно вызвали эту своеобразную «революцию», они только форсировали ее, гениально зафиксировали ее внешним образом на многие века. Но этим нисколько не умаляется огромное значение их заслуг в качестве культуртрегеров эпохи Возрождения. Эти заслуги прежде всего состоят в том, что итальянцы, выполняя заказ правящей московской верхушки — среды мало культурной, создали архитектурные произведения художественной ценности. В то время как другие выходцы из Западной Европы, мастера разных профессий, обслуживая потребности московского двора, высших классов и казны, обучали московитов ряду ремесел, итальянские зодчие восстановили забытую на Руси начальную технику строительного дела. Местные мастера, овладев более усовершенствованной техникой, научились строить настоящие каменные здания и получили возможность развернуть в дальнейшем свои личные художественные и технические способности. Но влияние староитальянских мастеров в области старорусского искусства не ограничилось только этим: оно пошло гораздо даль-

ше и глубже. Их архитектурная деятельность вызвала реакцию против традиций византийского искусства, и старорусское зодчество стало постепенно выходить на самостоятельный путь. Несмотря на то, что зарубежным мастерам вначале предписывалось чуть ли не копировать туземные образцы, итальянцы, начиная с Аристотеля Фиораванти, стали вносить в возводимые ими архитектурные сооружения свои художественные взгляды и свою строительную логику, все больше и больше внедрять в окружающую косную среду элементы новшеств. Московиты, сделав сперва фрязинам уступку (как будто и не столь уж важную) в смысле замены прежнего строительного материала — белого камня — карпичом, довольно быстро привыкли к тому декоративному убранству, которое вносилось вместе с мотивами архитектуры раннего Ренессанса. Чужеземные зодчие, обогатив русских мастеров техническими познаниями и указав им на возможность итти самостоятельным путем, вне зависимости от византийских традиций, непосредственно способствовали образованию особого национального архитектурного стиля. В результате такого воздействия со второй половины XVI столетия, после усвоения новых художественных начал и сочетания их с местными архитектурными традициями, наступает длительный (до начала XVIII столетия) период, так называемая «золотая эра» в истории русского зодчества. В эту эпоху Москва становится центром русского искусства и создает свою пышную архитектуру, известную под общим именем «московской архитектуры XVII столетия».

К XVI столетию относится постройка фрязиным же Петроком Малым Китай-города, длившаяся четыре года (1535—1538). Его стены, необычайной, трехсаженной тол-

щины, с нишами для орудий и пушкарей, опоясанные безводным рвом и валом, были сложены из массивного кирпича разнообразных клейм. Это свидетельствует о развитии кирпичного производства в Москве после Фиораванти и его преемников. В отношении фортификационном китайгородские укрепления стояли подобно кремлевским на высоте тогдашнего военно-инженерного искусства. Они были приспособлены для тройного современного им боя: подошвенного, среднего и верхнего. В нижней части стен находились отверстия для больших орудий подошвенного боя; для среднего имелись орудия мелкого калибра, стоявшие на парапете стен; сверху нападающих обливали кипятком, смолой, стреляли из пищалей, действовали разным метательным оружием. Опоясывая площадь в 52 десятины, китайгородские стены смыкались с кремлевскими у Собакиной башни (где теперь Государственный исторический музей) и у наугольной Беклемишевской на юго-востоке Кремля. Двенадцать приземистых башен Китай-города, круглые, квадратные, шестиугольные и полукруглые, выдавались, как и кремлевские, за стену на сажень для продольного обстрела стен во время боя. В каждом башенном этаже имелась целая система бойниц различных размеров в зависимости от рода оружия. Ниже уровня китайгородских сооружений были устроены «вылазы», подземные ходы и всевозможные тайники. Для въезда в Китай-город, цитадель московского купечества, служило пять ворот. Вне китайгородских стен, на взгорье у Никольских ворот (ныне площадь Дзержинского), был устроен огромный подземный водяной бассейн на случай осады; последний был совершенно забыт и снова обнаружен только в 1933 г. работами Метростроя.

Итальянцы, в поисках новых дорог на Восток «открывшие» Московию, втянувшие ее в сферу европейских торгово-политических отношений, а деятельностью своих мастеров приобщившие ее к техническим, военным и художественным достижениям Запада, явились также и основоположниками огромной западноевропейской литературы о Московии. Эта многотомная литература, известная у нас под общим именем «Сказаний иностранцев о Московском государстве», помимо прочего содержит в себе интересный материал, касающийся архитектуры и строительного дела допетровской Руси. И почти во всех больших работах западноевропейских авторов о Московии при описании ее столицы упоминается имя «знаменитого художника и механика» — Аристотеля Болонского.

«Годуновский чертеж» Москвы (1600), подтверждающий показания «чертежа Герберштейна» о первоначальном характере кремлевских стен и башен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ответственный редактор
Я. Ю. Шлоссберг
Художественный редактор
И. И. Лазаревский
Технический редактор
Е. А. Смирнова

*

Сдано в набор 25 марта 1935 г.
Подписано к печати 14 июля 1935 г.
4 печ. листа 72 × 110, 1/32
В 1 печ. листе 50 500 зн.
Уполн. Главлита № В-22613
Тираж 6000

*

Типография газеты «Правда»
Москва, ул. «Правды», 8
Заказ № 761

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
9	10 сверху	распространившийся	распространившееся
22	13 сверху	собственного	собственно
39	12 снизу	хотяще	хотяше
39	2 снизу	за то, что	за то, чтобы
44	1 снизу	переместился через Венецию	переместился и пошел через Венецию
45	11 снизу	Тогдашняя область	Московская область
47	10 сверху	богатейшую	богатевшую
56	11 снизу	окружили стеной	окружили каменной стеной
61	9 сверху	зажиточных	простейших
61	5 снизу	поволока	подволока
66	6 снизу	1497	1397
67	11 сверху	купцы	лица
70	15 снизу	Таракановым	Тараканом
72	7 сверху	построенный к 70-м годам XV столетия	построенный в XIV столетии
82	11 снизу	На третье лето (1447)	На третье лето (1474)
110	15 сверху	В период с 1454 по 1485 г.	В период с 1483 по 1489 г.
119	1 сверху	украшения	укрепления

Л. В. Снегирев, Аристотель Фиоравантп и перестройка Московского кремля.

